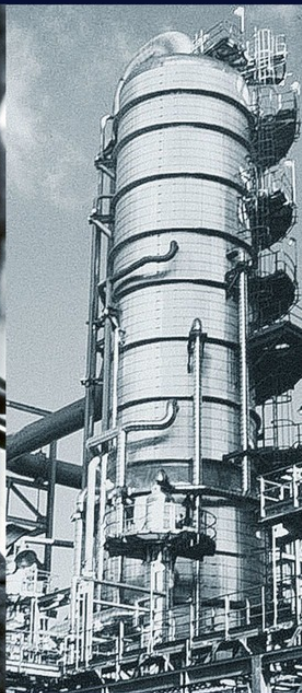

ЖИЗНЬ ВО БЛАГО

ВОСПОМИНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА-ЛЕГЕНДЫ

АНДРЕЙ
ЗИМИН

Андрей Зимин
**Жизнь во благо. Воспоминания
человека-легенды**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48780400

ISBN 9785005069078

Аннотация

Это – книга-интервью. Рассказ человека-легенды, кавалера двух орденов Трудового Красного Знамени, Почетного гражданина г. Дзержинска Нижегородской области Вячеслава Геннадьевича Тюгина о времени и о себе. Начав трудовую деятельность в 1948 году корабелом на легендарном «Красном Сормово», уже в 32 года он назначается директором дзержинского завода химического машиностроения. Причем за 30 лет руководства предприятием Вячеслав Геннадьевич сумел вывести его на уровень одного из ведущих в СССР.

Содержание

Несколько слов от автора	6
Мои корни	12
Детство и юность	34
Мои рабочие «университеты»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Жизнь во благо Воспоминания человека-легенды

Андрей Зимин

*Генералам советской промышленности,
внесшим неоценимый вклад в превращение
СССР в одну из ведущих мировых держав,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

*Автор выражает глубокую признательность
своему сыну —*

*Дмитрию Андреевичу Зимину,
любезно согласившемуся
стать спонсором издания этой книги*

*Редактор Екатерина Харитонова
Корректор Алексей Леснянский
Дизайнер обложки Тая Королькова*

© Андрей Зимин, 2019

© Тая Королькова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-6907-8

Несколько слов от автора

Я не мог не написать этой книги. Не рассказать о жизни и деятельности обычного с виду, ничем не примечательно-го человека – Вячеслава Геннадьевича Тюгина. Человека-легенды. Хочу подчеркнуть, что это не я нарёк его данным эпитетом. Ещё в 2009 году такого звания удостоил Вячеслава Геннадьевича мэр города Дзержинска Виктор Валентинович Портнов в ходе поздравления юбиляра с 80-летием. Причём, на мой взгляд, ничуть не покривил душой.

Я не мог не написать этой книги потому, что был просто ошеломлён небольшим рассказом Вячеслава Геннадьевича о себе. О своей далеко не простой, но весьма насыщенной различными событиями и свершениями жизни, которую он прожил (и ещё проживает) во благо своего Отечества. Случилось это на очень скромном торжестве, посвященном его 85-летию, когда, немного расслабившись, юбиляр (среди родных и близких – просто дедуся) вспоминал основные вехи пройденного им жизненного пути.

Я и представить себе не мог, что передо мной не просто пожилой, но ещё достаточно крепкий мужчина, являющийся для кого-то отцом, для кого-то – тестем, а для кого-то – дедом и прадедом. Передо мной сидел очень скромный и в чём-то даже застенчивый человек, по сути, действительно достойный именоваться человеком-легендой.

Большую часть своей жизни он прожил и проработал в уже обозначенном городе Дзержинске Нижегородской (в советский период – Горьковской) области, считавшимся в СССР чуть ли не столицей советской нефтехимии. Городе, где в 1961 году он возглавил завод химического машиностроения, придя на него со знаменитого «Красного Сормово», отработав там до этого корабелом, строившим подводные лодки, в течение тринадцати лет. И было ему тогда всего-то чуть больше тридцати!!!

А следующие 30 лет своей жизни посвятил он дзержинскому «Химмашу», выведя его к середине 1980-х годов в число ведущих заводов химического машиностроения в СССР, за что и был удостоен двух орденов Трудового Красного Знамени (хотя и представлялся к высоким государственным наградам четырежды). Причём таким же орденом был награждён и сам завод – одно, кстати, из немногих предприятий-орденоносцев в Дзержинске.

Я слушал рассказ человека, входившего, можно сказать, в славную когорту тех, кого впоследствии с лёгкой руки наших либералов, занявших руководящие в России посты после распада СССР, называли «красными директорами», в число тех «генералов» советской промышленности, усилиями которых и был построен мощный промышленный потенциал Советского Союза, позволивший ему стать сверхдержавой наряду с Соединёнными Штатами.

У нас, особенно в советский период, много писали и рас-

сказывали о «маршалах» отечественной индустрии, руководивших целыми отраслями промышленности. О знаменитых авиаконструкторах, ракетостроителях, создателях ядерного оружия, а затем и «мирного атома», энергетиках, машиностроителях, транспортниках и многих-многих других, имена которых были в народе хорошо известны. А вот о «генералах» этих огромных стратегических отраслей, руководителях конкретных предприятий, где и воплощались в реальную жизнь сложнейшие задачи ускоренного развития советской промышленности, рассказано, на мой взгляд, незаслуженно мало.

Но легко сказать – написать книгу. Гораздо сложнее оказалось это сделать. К тому времени на моём счету уже была одна написанная и опубликованная повесть, вызвавшая неподдельный интерес многих людей. Однако то литературное произведение писалось на основе реальных событий, произошедших со мной самим. И когда я работал над ним, то раз за разом погружался в обстановку и ситуации, которые пережил и в которых участвовал. Поэтому психотипы и характеры героев той моей повести списывались с конкретных людей, которые были мне хорошо знакомы.

В случае же с Вячеславом Геннадьевичем предстояло написать о целой жизни человека, которого я ранее практически не знал. Я совершенно не представлял себе реальной заводской атмосферы и трудовых будней рабочих людей. Лишь в общих чертах, как выяснилось, был осведомлён об исто-

рии нашей страны, особенно 1930-х – 1960-х годов, базируясь при этом главным образом на знаниях, полученных в ходе учёбы, каких-то рассказах старшего поколения, прочитанных книгах и просмотренных фильмах. А ведь жизнь моего нового героя была неотделима от совершенно конкретных исторических событий в СССР того периода.

И тогда я всё больше и больше утверждался во мнении, что написать о нём художественное произведение мне явно не удастся. Просто не по Сеньке шапка, как говорят в народе. Причём окончательно меня убедила в этом история, рассказанная вдовой советского музыкального гения Муслима Магомаева Тамарой Ильиничной Синявской, с которой мне посчастливилось встречаться. Очень многие авторы просто атаковали Муслима Магометовича предложениями написать о нём книгу. Не выдержав столь мощного натиска, он, человек очень и очень скромный, не устоял. Но когда ему принесли экземпляр готовой к изданию рукописи, прочитав её, он с возмущением воскликнул: «Но ведь это же совсем не я! Это книга о каком-то другом человеке!..» И в итоге вынужден был написать о себе сам.

Поразмышляв ещё какое-то время о том, как писать книгу о человеке-легенде (причём о живом человеке-легенде), я пришёл к выводу, что это должна быть повесть-интервью: рассказ самого человека о своей жизни, прожитой в конкретном историческом времени. И вместе с тем она должна быть достаточно легко и интересно читаемой и понятной широ-

кому кругу людей, прежде всего родственникам главного героя, особенно его потомкам.

Именно поэтому в данной книге вы увидите большое количество исторических справок, сносок и авторских отступлений от рассказа главного героя, призванных ввести читателя в историческую атмосферу того времени, о котором идёт речь, в тонкости производственного процесса и во многое другое, во что мне приходилось погружаться самому в ходе работы над текстом.

Хочу завершить своё вступление словами глубокой благодарности и признательности Вячеславу Геннадьевичу Тюгину, предоставившему в моё полное распоряжение свой личный архив. Кроме того, большим подспорьем в изучении истории Дзержинского завода химического машиностроения, понимании рабочей атмосферы и жизни крупного предприятия, его трудового коллектива стал сборник очерков «Ступени роста» Мурата Крымсултановича Озиева, изданный Волго-Вятским книжным издательством в 1981 году. Примечательно, что герой моего (а если уж быть точным – нашего с ним) повествования, будучи в тот период директором «Дзержинскихиммаша», являлся членом общественной редакционной коллегии по изданию данного сборника, посвящённого истории и будням этого завода.

Блажен, кто предков с чистым сердцем чтит.

Иоганн Вольфганг фон Гёте

Мы сидим с Вячеславом Геннадьевичем на дачной ве-

ранде, в шестидесяти километрах южнее Москвы, с которой хорошо просматривается весь участок (сам герой этой книги называет данное место своим НП – наблюдательным пунктом). На дворе тёплый май 2016-го. В пышные белые платья уже оделись вишня, черешня и яблони, вокруг которых с мерным жужжанием роятся пчёлы. Благоухает сирень, распустились тюльпаны, вот-вот полыхнут своим неповторимым цветом огромные бутоны пионов.

Расцветает новая жизнь. И не только в эпическом, но и в прямом смысле этого слова, потому что совсем недалеко от нас в тени дома стоит детская коляска, в которой мерно посапывает третья по счёту правнучка Вячеслава Геннадьевича и моя первая внучка Полинка, озарившая этот мир своим появлением всего месяц назад.

И вот, чуть прищуриваясь на ласковом майском солнышке и улыбаясь ему, наш дедуся неспешно начинает свой долгий рассказ-воспоминание о собственной жизни и временах, в которых он жил и, слава Богу, продолжает жить...

Мои корни

Родился я 3 декабря 1929 года в селе Порздни, что ныне в Лухском, а тогда относилось к Пучежскому району Ивановской области, в крестьянской семье. Село это на тот момент было весьма большим, с богатой историей. Сформировалось оно на месте крепости Порздно, построенной в XII веке, после того как 300 лет спустя там возвели первую церковь. В XVIII веке Порздни становятся центральной усадьбой барской вотчины графа Александра Борисовича Бутурлина¹ и сохраняют этот статус практически до революции 1917-го года.

В тот период в селе действовали уже две большие церкви: Успения Пресвятой Богородицы и Спаса Преображения, построенные в середине 1700-х годов. В народе одну называли Графской (вполне понятно почему), а другую – Хованской. Отчего так повелось – трудно сказать. Сейчас уже и не помню.

Периодом наибольшего расцвета Порздней была середина XIX века. К 1873 году село стало одним из крупнейших в губернии. Ежегодно здесь проходили четыре ярмарки. Помимо торговли, жители занимались производством кож, из-

¹ Александр Борисович Бутурлин (1694—1767) – русский военачальник из знатного рода Бутурлиных, генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор Москвы.

возом, портняжным, сапожным и кузнечным делом.

Родители мои – Тюгин Геннадий Васильевич 9 февраля 1906 года рождения и Тюгина (в девичестве – Патокина) Евгения Ивановна 26 декабря 1904 года рождения. Отец вышел из семьи кузнецов, занимавшихся своим ремеслом не только в Порзднях, но и в окрестных селах.

Так, мой дед – Тюгин Василий Васильевич, – будучи ещё молодым человеком, некоторое время работал в поместье «Привольное», находящемся в нескольких десятках километров от Порздней. Хозяин поместья – Николай Николаевич Бернадос – был человеком выдающимся. Он приходился внуком знаменитому участнику Отечественной войны 1812 года генерал-майору Пантелеймону Егоровичу Бернадосу и занимался активной научно-прикладной деятельностью. Так, именно Н. Н. Бернадос изобрёл первую в России зубную пломбу из серебра и первым в нашей стране установил её своему денщику, избавив его тем самым от необходимости удаления большого зуба.

Кроме того, он же стал, по сути, и основателем электросварочного дела в России. Благодаря этому моего деда, человека незаурядного мастерского таланта, являвшегося в тот период помощником Н. Н. Бернадоса в его изысканиях, вполне можно считать одним из первых сварщиков в нашей стране. В 1980-е годы об этом, кстати, много писали наши СМИ.

Ремарка автора. Вот одна из статей на эту тему. Её ксерокопию я нашёл, разбирая личный архив В. Г. Тюгина, любезно предоставленный мне для работы над этой книгой. Данная статья была опубликована в центральной советской газете «Правда»² 12 мая 1981 года под заголовком «Творцу электросварки»:

«Создается музей выдающегося русского учёного и изобретателя Николая Николаевича Бернардоса – отца электросварки.

Без её применения сейчас просто невозможно представить современное промышленное производство. А разработал и впервые сто лет назад испытал метод дуговой сварки металлов Н. Н. Бернардос, назвав его в честь древнегреческого бога-кузнеца «электрогефестом». Это открытие было сделано в небольшой усадьбе «Привольное», находившейся неподалеку от Луха, что в Ивановской области.

Юбилей одного из выдающихся изобретений XIX века по инициативе ЮНЕСКО ныне будет отмечаться в разных странах мира. Готовится к этой замечательной дате и древний Лух, где и будет открыт музей. Его экспозиция расскажет о жизни и деятельности творца электросварки, внука одного из героев Отечественной войны 1812 года генерала П. Е. Бернардоса.

Среди многочисленных экспонатов – собственноручные

² Главный печатный орган Коммунистической партии Советского Союза до 1991-го года. В советский период считалась в СССР «газетой №1».

описания опытов, проведённых учёным. Бернардос является автором многих оригинальных проектов – парохода, переходящего мели, снаряда для перевозки по бездорожью дров и иных тяжестей.

Внимание посетителей, несомненно, привлечёт и старинный документ, найденный работниками Ивановского историко-революционного музея. Он свидетельствует, что в числе первых электросварку использовали в 1886 году на Куваевской ситценабивной мануфактуре в Иваново-Вознесенске при изготовлении заварочных кубов из листового железа.

Большую помощь ивановцам в создании музея оказывают учёные прославленного института электросварки имени Е. О. Патона академии наук Украины. За годы упорных поисков они собрали немало интересных документов о жизни и творчестве замечательного изобретателя, подвижника науки. Часть из них, а также различные материалы, посвящённые сегодняшнему дню электросварки, которая используется на земле и в космосе, займёт свое место в музее. Он распахнёт свои двери в дни юбилейных торжеств – в июне [1981 г.]».

Характерно, что в дополнение к своему огромному научно-прикладному таланту Н. Н. Бернардос придерживался весьма прогрессивных по тем временам демократических взглядов. Он поддерживал активные контакты с известными революционно настроенными демократами того перио-

да в Западной Европе, прежде всего во Франции, получая от них соответствующую литературу.

Вполне естественно, что всё это оказало значительное влияние как на становление Василия Тюгина в качестве серьёзного и творческого мастерового человека, так и на формирование его мировоззренческих взглядов. Хозяин поместья часто рассказывал моему деду о неправильности, несправедливости уклада жизни в Российской Империи.

Впоследствии, разглядев в нём личность по всем меркам неординарную, Н. Н. Бернарδος рекомендовал ему отправиться в город Сормово, находившийся неподалеку от Нижнего Новгорода. В то время там активно формировалась промышленная база, прежде всего судостроительная, где не только пригодились бы навыки и умения молодого и далеко не бесталанного человека, но и его прогрессивные политические взгляды. Тогда в Сормово уже постепенно начинали складываться социал-демократические, революционные настроения.

Но в тот период дед был ещё совсем молодым человеком. А в Порзднях его ждала любимая невеста – моя бабушка. Звали её Анной Васильевной. Вот только фамилии её девичьей сейчас, к сожалению, уже точно не вспомню. То ли Красильникова, то ли Грязнова. Знаю точно, что была она потомственной крестьянкой, человеком набожным, привыкшим исключительно к сельской жизни во всех её тогдашних ипостасях.

Узнав о намерениях своего жениха, Анна наотрез отказалась переезжать в город, поставив вопрос ребром: либо я, либо Сормово. Ну а дед мой, Василий Васильевич, всей душой любивший свою избранницу, в сложившейся ситуации принял решение остаться вместе с ней на своей малой родине в Порзднях. Там до конца своей жизни он так и проработал кузнецом.

Причём доподлинно известно, что к нему неоднократно приезжали представители промышленных предприятий из Сормово. Звали работать, сулили всяческие блага. Но дед Василий оставался непреклонным. Да и семья его постепенно разрасталась. Кроме моего отца, самого младшего в ней, было ещё двое братьев – Иван и Александр, а также сестра Анна. Куда им ехать, обременённым каким-никаким, а хозяйством? Да и жизнь на селе, понятная и привычная своим укладом, значительно отличалась от городской, неведомой и в чём-то даже страшноватой для селян.

Мама моя, Евгения Ивановна, тоже была из большой и крепкой крестьянской семьи. У неё семь братьев и четыре сестры. И все они жили по образу и подобию своих предков – размеренно и осёдло, в повседневных крестьянских заботах и тяжёлом труде на земле без каких-то серьёзных перемен и потрясений, тем более связанных с переездами.

Так что мой второй дед – Патокин Иван Васильевич – потомственный крестьянин, как и его любимая супруга Ольга Ивановна (в девичестве – Барская) – моя вторая бабуш-

ка. Они явно знали толк в своём крестьянском деле. Вероятно, поэтому их семья всегда, что называется, крепко стояла на ногах. Ведь трудились-то от зари до зари все от мала до велика. И в советский период они совершенно точно подходили под определение крестьян-середняков³. У них было несколько коров, лошадь, наделы земли. Вместе с тем они никогда не использовали наёмный, батрацкий труд. Всегда управлялись сами.

Тем не менее в начале 1930-х годов, в период массовой коллективизации на селе, семья Патокиных попала под жернова раскулачивания. Может быть, потому, что не захотела сдавать свою скотину в колхоз. А может, и потому, что зависть брала других крестьян, живших в одном с ними селе, но не сумевших наладить собственное хозяйство. Кто сейчас знает? Одно доподлинно известно – Патокиных раскулачили.

³ Средняки – социальный слой крестьян в России, занимавших среднее экономическое положение между бедняками и состоятельным крестьянством (так называемыми кулаками). Средняки обрабатывали землю сами, только за счёт труда членов своих семей, не используя при этом наёмных работников. В 1928—1929 годах они составляли около 60% всех крестьянских хозяйств России. Однако в ходе коллективизации в 1928—1937 годах, заключавшейся формально в добровольном, а на практике – зачастую в принудительном объединении единоличных крестьянских хозяйств в коллективные – колхозы и совхозы, середняки фактически перестали существовать как отдельный социальный слой крестьян. Часть середняков вступила в колхозы (многие по принуждению) или ушла из деревни в города, другая подверглась жестоким репрессиям в ходе кампании по «раскулачиванию» (ликвидации крестьян-кулаков и «подкулачников»). Цит. по *Энциклопедическому словарю интернет-портала «Академик»*.

Забрали всё. Арестовали не только деда, но и двоих его сыновей. Причём к тому времени несколько старших детей Ивана Васильевича и Ольги Ивановны уже проживали отдельно со своими семьями – кто в Вязниках, кто в Шуе. Поэтому арестовали одного из тех, кто всё ещё оставался жить вместе с родителями, а второго – приехавшего к ним в то самое время в гости из Шуи и, по всей видимости, активно заступившегося тогда за отца.

Историческая справка

Коллективизация – процесс объединения единоличных крестьянских хозяйств в СССР в коллективные хозяйства (сокращенно – «колхозы»), наиболее активно осуществлявшийся в Советском Союзе в период с 1928 по 1933 год.

Решение о столь радикальной реформе существовавшего до этого в стране уклада сельского хозяйства было принято на XV съезде ВКП (б)⁴ в 1927 году. Такой подход был обусловлен серьёзным кризисом хлебозаготовок в СССР зимой 1927—1928 годов, когда страна оказалась в очень тяжёлой

⁴ ВКП (б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков). Являлась единственной в СССР (а потому – правящей) политической партией, выполняющая функцию «ядра, руководящей и направляющей силы советского общества» с момента основания Советского Союза в 1922-м вплоть до его распада в 1991-м году. В октябре 1952-го года на XIX съезде партии её название был изменено: ВКП (б) была переименована в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС). – По материалам статьи «Коммунистическая партия Советского Союза», опубликованной на интернет-портале «Википедия».

продовольственной ситуации. Её главной причиной стало снижение государством закупочных цен (до уровня в пять-шесть раз ниже рыночных), по которым у крестьян-частников должно было закупаться зерно, а также дороговизна и дефицит промышленных товаров. Вполне естественно, что в этих условиях крестьяне не спешили продавать собранный урожай государству, придерживая его, что называется, до лучших времен.

Исходя из общей обстановки в стране, только-только вставшей на путь индустриализации (превращения в мощную промышленную державу), реализация политики коллективизации на селе представлялась руководству СССР единственно верным и наиболее эффективным путём не только преодоления текущего продовольственного кризиса, ни и их недопущения в будущем.

Она преследовала четыре основные цели.

Первая, официально провозглашённая партийным руководством, – осуществление социалистических преобразований в деревне (по сути – ликвидация частной собственности на селе). В перспективе (причём в самой ближайшей) предполагалось создание крупного социалистического сельскохозяйственного производства, которое надёжно обеспечило бы государство хлебом, мясом и другим аграрным сырьём.

Вторая – бесперебойное снабжение продовольствием быстро растущих в ходе индустриализации городов.

Третья – высвобождение крестьян (а это в конце 1920-х годов – около 80% населения СССР) от сельскохозяйственного труда и направление их на работу в сферу индустриального строительства. Для этого колхозы предполагалось сделать крупными производителями зерна и другой сельскохозяйственной продукции за счёт внедрения в них современных способов агропроизводства и соответствующей техники, способствовавших резкому росту производительности труда, влекущей за собой заметное снижение необходимого числа сельских труженников.

Четвёртая – увеличение за счёт быстрого повышения валового сбора зерна его поставок на экспорт. Деньги, вырученные от этого, должны были пойти на закупку техники и оборудования для строящихся советских заводов. Иного источника валютных средств у советского государства в то время фактически не существовало.

Однако, провозгласив столь правильные и благие цели, руководство страны в лице ВКП (б), как видится с сегодняшней исторической высоты, достаточно слабо представляло себе реальные пути и методы их осуществления. В результате, так как конкретных указаний «сверху», из Москвы, не последовало, партийные руководители на местах, которых сильно заботила задача безусловного выполнения плана государственных хлебозаготовок, понимали процесс коллективизации каждый по-своему.

Причём основу этого «понимания» составляли, как пра-

вило, принудительные меры — главным образом силового характера.

Во многом такой подход обуславливался тем, что уже в январе 1928 года на всех уровнях власти возникло чёткое понимание того, что крестьяне-частники не намерены добровольно в убыток себе продавать государству зерно по сильно заниженным ценам. В частности, несмотря на относительно хороший урожай 1927 года, в «закрома Родины» к выше обозначенному сроку было собрано всего лишь около 4,8 млн тонн зерна, что почти на 2,1 млн тонн меньше, чем в предыдущем году.

Выполнение плановых показателей экспорта хлеба было поставлено под угрозу срыва. Страна могла остаться без валюты, необходимой для решения задач индустриализации. Кроме того, жёстко встал вопрос о продовольственном снабжении городов.

Для выхода из создавшегося положения советское руководство решило прибегнуть к срочным и чрезвычайным мерам, похожим на продразверстку⁵ времён военного коммунизма⁶ и Гражданской войны. На хлебозаготовки были

⁵ Принудительное изъятие государством у крестьян, в распоряжении которых оставляли только семенной фонд и сельхозпродукты, необходимые для пропитания, излишков продовольствия. Продразверстка существовала в советской России в период 1919—1921 гг. — По материалам статьи «Продразверстка», опубликованной на интернет-портале «Википедия. Свободная энциклопедия».

⁶ Военный коммунизм — название внутренней политики Советской России, проводившейся в 1918—1921 гг. в условиях Гражданской войны. Её характер-

мобилизованы 30 тысяч коммунистов в качестве «оперуполномоченных». Им поручалось осуществить «чистку» в ненадёжных сельсоветах и партийных ячейках, создать на местах «тройки»⁷, которым надлежало найти спрятанные излишки, заручившись поддержкой бедняков (получавших 25% зерна, изъятого у более зажиточных крестьян), и на основе ст. 107 Уголовного кодекса, согласно которой любое действие, «способствующее поднятию цен», каралось лишением свободы сроком до трёх лет, привлечь к уголовной ответственности всех неблагонадёжных лиц.

В итоге начали закрываться рынки, что было серьёзным ударом не только для зажиточных крестьян, но и для всех сельских жителей. Изъятие излишков и репрессии лишь углубили кризис. В ответ на это крестьяне-частники на следующий год уменьшили посевные площади.

Из уроков хлебозаготовительного кризиса зимы 1927—1928 гг. руководством СССР во главе с И. В. Сталиным был сделан ряд выводов, которые прозвучали во многих его выступлениях в мае-июне 1928-го года. Главный из них состоял в необходимости создания «опор социализма» в дерев-

ными чертами были крайняя централизация управления экономикой; национализация крупной, средней и даже частично мелкой промышленности; государственная монополия на многие продукты сельского хозяйства; продразвёрстка; запрет частной торговли; свёртывание товарно-денежных отношений; уравнивание в распределении материальных благ; милитаризация труда. — По материалам статьи «Суть политики военного коммунизма 1918—1920», опубликованной на интернет-портале «История России».

⁷ Комиссия из трёх человек с широкими полномочиями.

не в виде колхозов и машинно-тракторных станций (МТС). При этом основные формы взаимоотношений между государством и крестьянами рассматривались И. В. Сталиным прежде всего как принудительно-административные.

Вместе с тем показатели советского сельского хозяйства в 1928—1929 гг. были близки к катастрофическим. Несмотря на целый ряд репрессивных мер по отношению не только к зажиточным крестьянам, но и в основном к середнякам (конфискация хлеба в случае отказа продавать продукцию государству по низким закупочным ценам), зимой 1928—1929 гг. страна получила хлеба ещё меньше, чем год назад.

Обстановка в деревне стала крайне напряжённой. поголовье скота уменьшилось. В феврале 1929 года в городах снова появились продовольственные карточки, отменённые после окончания Гражданской войны. А после закрытия большинства частных лавочек и кустарных мастерских как «капиталистических предприятий» дефицит продовольствия стал тотальным.

В складывающихся условиях советское правительство приняло решение о реорганизации сельского хозяйства самым радикальным способом, заключавшемся в быстрой и решительной коллективизации. Большую часть крестьян-единоличников предполагалось объединить в коллективные хозяйства и таким образом ликвидировать зависимость государства от частных хлебопоставок.

Форсированное создание колхозов началось уже с весны 1928 года. В 1929 году был официально провозглашён лозунг, призывающий к сплошной коллективизации, а 5 января 1930 года было принято постановление ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», в котором определялись сроки проведения сплошной коллективизации в стране. Северный Кавказ и Поволжье должны были завершить её к весне 1931 года, Украина, Черноземные области, Урал и Сибирь – к весне 1932-го, остальные зерновые районы – к 1933-му. В дополнение к этому 30 января 1930 года постановлением ЦК ВКП (б) было утверждено решение о ликвидации кулачества.

Изначально определением, кто есть «кулак», а кто «средняк», занимались непосредственно на местах. Единой и точной классификации не было. В некоторых районах к кулакам приписывали тех, у кого было две коровы, или две лошади, или хороший дом.

В феврале 1930 года был издан партийный циркуляр, разделивший кулачество на три категории: первая («контрреволюционный актив») подлежала аресту и могла быть приговорена к смертной казни; вторая (активные противники коллективизации) – выселению в отдалённые районы; третья (сомневающиеся) – расселению в пределах района проживания.

Однако подобное разделение на группы с видимой неопределённостью их характеристик создавало почву для про-

извола на местах. Составлением списков семей, подлежащих раскулачиванию, занимались силовые государственные структуры и власти на местах при участии деревенских активистов.

При этом страна всё гуще покрывалась сетью лагерей и посёлков «спецпереселенцев» (высланных «кулаков» и членов их семей). К январю 1932 года всего с мест постоянного проживания было выселено около 1,4 млн человек, из них несколько сотен тысяч – в отдалённые районы страны. Их отправляли на принудительные работы (например, на строительство Беломорско-Балтийского канала или Волго-Балтийского водного пути), рубку леса на Урале, в Карелии, Сибири, на Дальнем Востоке.

Многие гибли в пути, многие – по прибытии на место, поскольку, как правило, «спецпереселенцев» высаживали в «голом поле»: в лесу, в горах, в степи. Выселяемым семьям разрешалось брать с собой одежду, постельные и кухонные принадлежности, продовольствие на 3 месяца, однако общий вес багажа не должен был превышать 30 пудов (480 кг). Остальное имущество изымалось и распределялось между колхозом и бедняками.

Раскулачивание стало важнейшим инструментом форсирования коллективизации: сопротивлявшихся созданию колхозов можно было на законных основаниях репрессировать как кулаков или им сочувствовавших «подкулачников».

Для этого на работу в сельские районы были мобилизо-

ваны 25 тыс. рабочих из городов (так называемые коммунисты-двадцатипятидесятники), готовых беспрекословно, любой ценой выполнить партийные директивы. Уклонение от коллективизации стали трактовать как преступление. Под угрозой закрытия рынков и церквей крестьян заставляли вступать в колхозы. Имущество тех, кто осмеливался сопротивляться коллективизации, конфисковалось. К исходу февраля 1930 года в колхозах числилось уже 60% (14 млн) крестьянских хозяйств СССР.

При этом зимой 1929—1930 гг. во многих деревнях и сёлах наблюдалась страшная картина. Крестьяне гнали на колхозный двор (часто просто сарай, окружённый забором) всю свою скотину: коров, овец и даже кур и гусей.

Руководители колхозов на местах понимали решения партии по-своему — если обобществлять, то всё, вплоть до птицы. Кто, как и на какие средства будет кормить эту «общую» (а по сути — уже ничейную) скотину в зимнее время, заранее предусмотрено не было. Естественно, большинство животных погибало уже через несколько дней. Более искушённые крестьяне заранее резали свою скотину, не желая отдавать её колхозу. Тем самым по животноводству был нанесён сильнейший удар.

В результате с колхозов в первое время брать фактически было нечего. Из-за этого город стал испытывать ещё большую нехватку продовольствия.

Раскулачивание, конфискация имущества, аресты и вы-

сылки в отдалённые районы стали олицетворением сплошной коллективизации. В стране нарастало массовое крестьянское недовольство. Опасаясь народных волнений, 2 марта 1930 года в центральной советской газете «Правда» была опубликована статья И. В. Сталина под заголовком «Головокружение от успехов», в которой осуждались «перегибы» в колхозном строительстве, а вина за них возлагалась на местное руководство. Тем не менее даже после этого политика советского государства в отношении деревни и крестьянства по сути осталась прежней.

Одной из самых трагических страниц коллективизации стал голод 1932—1933 гг., охвативший Украину, Поволжье, Северный Кавказ, Южный Урал и Казахстан.

Урожай 1931 и 1932 гг. в СССР были ниже средних. В 1932 году выполнить задания по сдаче хлеба колхозы основных зерновых районов страны не смогли. Туда были направлены чрезвычайные комиссии. Деревню вновь захлестнула волна административного террора. Такая ситуация сложилась из-за продолжавшегося принудительного изъятия государством хлеба для экспорта и обеспечения нужд индустриализации. Зачастую изымалось даже то зерно, которое было предназначено для весеннего посева. Мало сеяли, мало и собирали. Но план поставок необходимо было выполнять. Тогда у колхозников забирали последние продукты.

Голодало, как впоследствии признавал сам И. В. Сталин, 25—30 млн человек. По разным оценкам, от голода в то вре-

мя погибли от трех до восьми миллионов крестьян. Коллективизацию фактически пришлось приостановить.

Но уже в 1934 г. она возобновилась. На этом этапе развернули широкое «наступление» на крестьян-единоличников. Для них был установлен непосильный административный налог. Таким образом, их хозяйства подводились под разорение. У таких сельчан, всё ещё частников, оставалось два пути: либо идти в колхоз, либо уходить в город на стройки первых пятилеток.

Постепенно деревня смирилась с колхозным строем. К 1937 году индивидуальное хозяйство фактически сошло на нет (93% всех крестьянских дворов было объединено в колхозы).

Коллективизация, по оценкам большинства историков, имела тяжёлые последствия для страны. В ходе неё под предлогом раскулачивания был уничтожен целый слой крестьян, которые умели успешно работать на земле (ликвидировано до 15% общей численности крестьянских хозяйств, признанных кулацкими, хотя официально, по данным переписи 1929 года, их в СССР насчитывалось всего лишь 3%).

В итоге произошло отчуждение сельских жителей от собственности и результатов своего труда на земле. Сократились урожайность, поголовье скота, потребление продовольствия на душу населения. С 1928 по 1935 годы в стране действовала карточная система распределения

продуктов среди населения.

Колхозы были лишены самостоятельности и являлись бесправным придатком административно-бюрократического аппарата власти. А обострённая продовольственная проблема стала постоянным атрибутом существования жителей СССР.

Деду Ивану, признанному кулаком, дали десять лет лагерей⁸. Остальным вроде бы поменьше, точно сказать не могу. Да и не принято было обсуждать это. И тогда, да и потом тоже, больше помалкивали. Времена-то, сами знаете, какие были. Обрывочно известно только, что оба арестованных вместе с дедом его сына отбывали свои сроки в лагерях на строительстве Волго-Балтийского водного пути.

Там и сгинули бесследно. Знаю однако (мама как-то обмолвилась), что то ли в 1935, то ли в 1936 году от деда пришла единственная весточка. Её передал ей один из освобо-

⁸ Лагеря в СССР в период 1918—1953 гг. представляли собой единую, широко разветвлённую систему так называемых исправительно-трудовых учреждений для осуждённых за различные преступления. Однако на деле туда нередко направлялись репрессированные по различным, зачастую надуманным причинам реально невиновные граждане. При этом заключённые лагерей стали важным ресурсом интенсивного развития многих отраслей промышленности СССР, а также строительства транспортной инфраструктуры страны. В частности, за счёт их труда в короткие сроки были реализованы такие грандиозные даже по нынешним временам проекты, как Волго-Балтийский водный путь и Беломорско-Балтийский канал. При этом многие из работавших на их строительстве заключённых погибли из-за крайне суровых условий содержания.

дившихся заключённых. В ней Иван Васильевич писал, что работает на лесоповале в Буреполомлаге⁹ и чувствует себя неважно. Мама моя была, кстати, единственным человеком, проводившим подводу со своим отцом в его тяжёлый арестантский путь.

Больше никаких вестей ни от него, ни от моих арестованных дядьёв не приходило. Видимо, все умерли там, в ГУЛАГе, как и тысячи других таких же несправедливо арестованных в то время крестьян-середняков.

После раскулачивания почти все остальные избежавшие ареста члены семьи Патокиных уехали из Порздней. Кто в Дзержинск¹⁰, кто в Горький¹¹ работать на автозавод (ГАЗ),

⁹ Буреполомская колония – самая старая из существующих сегодня в Нижегородской области. Она была основана ещё в 1929 году на 735-м километре железной дороги Горький-Котельнич на границе Горьковской и Кировской областей. В 1930-х годах Буреполом (ныне – посёлок в Тоншаевском районе Нижегородской области) стал центром группы развернутых там колоний под общим названием Буреполомлаг. – *Из очерка Сергея Костыгова «Буреполомлаг. Путешествие по УЖД».* – Альманах «Локотранс». №1, 2010.

¹⁰ Город (до 1930 г. – рабочий посёлок) в Нижегородской области, расположенный примерно в 30 километрах от областного центра. До 1929 года именовался Растяпино, когда и был переименован в Дзержинск в честь профессионального революционера, а после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. – первого руководителя Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров (СНК – первое советское правительство) РСФСР. В послевоенные (после 1945 г.) годы стал одним из важных центров химического машиностроения и химической промышленности СССР.

¹¹ В 1932 году решением советского правительства Нижний Новгород был переименован в город Горький (в честь известного российского, а затем и советско-

кто – в его пригороды. Где-то году в 1936-м они забрали к себе и мою бабушку. Её к тому времени разбил паралич. Видимо, очень сильным был стресс от такого стремительного разрушения большой и дружной семьи.

Да и жить в Порзднях после раскулачивания было невозможно. Забрали-то ведь всё. Вплоть до одежды. Так что младшие дети Патокиных, Андрей и Виктор, которые остались жить вместе с моей бабушкой Ольгой Ивановной, в то время иногда даже вынуждены были ходить и собирать милостыню. Да только не всегда удачно. Ведь середина 1930-х – время голодное после сплошной-то коллективизации. Жить на селе, а особенно раскулаченным семьям, было просто невыносимо.

В итоге позднее попали они работать на ГАЗ. Андрей потом был призван в армию. Прошел всю Великую Отечественную войну 1941—1945 годов. Вернулся сильно израненным, но тем не менее прожил достаточно долгую жизнь. Умер он, когда ему было что-то около семидесяти пяти.

Виктор же и повоевать-то не успел. Пропал без вести. Есть только неофициальные, устные свидетельства того, что эшелон, в котором их везли на фронт из Горького, попал под сильную бомбёжку недалеко от Москвы. Мало кто уцелел тогда.

Из истории семьи Патокиных знаю ещё то, что оставшие-

го писателя Алексея Максимовича Пешкова, писавшего под псевдонимом Максим Горький). Историческое название ему было возвращено в 1990 году.

ся не арестованными трое старших сыновей были хорошими специалистами. Двое из них работали в Дзержинске. Один – бригадиром штукатуров, и даже получил бронь во время войны как незаменимый мастер. Второй трудился аппаратчиком на Чернореченском химкомбинате. Там в результате полученной серьёзной травмы на производстве он потерял один глаз. Тем не менее всю Великую Отечественную войну он прослужил в стройбате¹². Третий же работал на одном из промышленных предприятий в городе Вязники.

Мы же, семья Тюгиных (я, мой отец и мама, жившие в одном доме вместе с папиными родителями – Тюгиными-старшими), где-то в начале 1933 года переехали в Сормово. Инициатором этого стал дед Василий. Мол, не я, так сын мой пусть исполнит мою мечту – работать на Сормовском заводе.

Хотя, как мне теперь кажется, главной причиной, по которой Василий Васильевич настоял на нашем переезде в город, стала обстановка на селе. Жить в то время в Порзднях было очень трудно. Наступили, как я уже говорил, весьма тяжёлые, не только голодные, но и смутные времена.

¹² Сокращение от наименования «строительный батальон». В период войны стройбаты решали различные задачи, в основном связанные с восстановлением разрушенных в ходе боевых действий зданий, сооружений и другой инфраструктуры, а также с возведением стратегически важных оборонительных сооружений и тыловых автомобильных и железных дорог. В стройбаты даже в послевоенный советский период активно призывали молодых людей, не годных по здоровью к нормальной, «строевой» службе в частях Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Детство и юность

#

Дед Василий снабдил своего сына (моего отца Геннадия Васильевича), человека тоже весьма мастерового в кузнечном деле, необходимыми рекомендациями. Однако это не стало избавлением нашей переехавшей семьи от навалившихся тогда на неё трудностей.

Заработки в то время на заводах тоже были весьма скромными. А надо было не только прокормиться, но ещё и где-то жить. Благо мама была отличной портнихой, обшивавшей жён и детей многих, в том числе известных в Сормово и его окрестностях, людей.

Тем не менее, чтобы как-то сводить концы с концами, нам по совету коллег отца пришлось переехать в деревню Малое Козино Балахнинского района, что в 14 километрах от Сормово. Оттуда каждое утро папа вынужден был три километра идти пешком до станции, на которой делал остановку пригородный поезд, отвозивший его на работу в Сормово, а вечером таким же образом возвращаться домой.

Это было очень неудобно, и, как только смогли, мы переехали в посёлок Высоково, что уже километрах в восьми от Сормово в сторону Балахны. Там квартиру можно было снимать значительно дешевле, чем в городе. Однако на завод, где работал отец, ему всё равно приходилось каждый

день добираться на поезде, хотя и значительно ближе, нежели из Малого Козино.

И вот ведь ирония судьбы! В течение каких-то двух-трёх лет снимали мы тогда в Высоково жильё у Семёна Григорьевича Чкалова, приходившегося дядей самому Валерию Павловичу Чкалову!

Конечно, в те годы я в силу своего слишком маленького возраста ещё не знал и не понимал, что это прославленный летчик¹³, имя которого уже гремело на всю страну.

В итоге и видел-то я его, как говорится, живьём всего два раза. Зато как! В 1936 году он приезжал в Горький, когда баллотировался в депутаты Верховного совета СССР и попутно ненадолго завернул в Высоково навестить своего дядю. Причём заехал на служебном автомобиле с водителем! По тем временам событие не просто неординарное – чудо, да и только. И когда его двоюродные брат и сестра – Борис и Татьяна (дети того самого дяди Семёна, у которого мы тогда жили), ну а заодно и я, с большим интересом и нескрываемым трепетом подошли к стоящей во дворе дома Чкаловых автомашине, он попросил водителя не гонять нас, а всё же дать детишкам возможность рассмотреть её поближе. Вполне естественно, что это событие осталось в моей памяти на всю дальнейшую жизнь, как одно из самых ярких воспо-

¹³ В. П. Чкалов (1904—1938) – легендарный советский лётчик-испытатель. Герой СССР. Командир экипажа, совершившего в 1937 году первый в истории беспосадочный перелёт из Советского Союза в США через Северный полюс.

минаний детства. Хотя и было мне тогда всего-то шесть лет.

Позже, когда, проживая в Высоково, мы вынуждены были сменить несколько квартир, тем не менее добрые отношения с семьей Чкаловых у нас сохранились. В основном благодаря моей маме. Она, как я уже говорил, была хорошей портнихой и шила платья в том числе и для женщин-Чкаловых.

Отец же, здорово зарекомендовав себя на заводе, заслужил достойное уважение начальников и своих коллег. Благодаря этому в конце 1939 года ему в качестве поощрения была выделена денежная ссуда для строительства дома. Добавив к ней уже имевшиеся в нашей семье на тот момент накопления, в 1940 году родители начали возводить своё собственное жилище. Въехали мы в него, хотя и не достроенное ещё до конца, в самом начале Великой Отечественной войны – то ли в июне, то ли в августе 1941 года.

Так как мой отец к тому времени стал уже высококвалифицированным рабочим, на фронт он не попал, получив так называемую бронь. Вместе с тем он был одним из тех миллионов людей, которые, как поют в известной песне про Победу, «дни и ночи у мартеновских печей» самоотверженно ковали её в тылу.

В то время на заводе, где работал отец, в короткие сроки была налажена сборка легендарных танков Т-34, которая продолжалась практически до 1945 года. И папа с началом войны был переведён в один из ведущих цехов, где производилась сборка отдельных узлов тех самых легендарных

«тридцатьчетвёрок».

При этом, будучи, по сути, сормовским рабочим (а в советском кино их всегда изображали героями-коммунистами), он не занимался какой-либо общественной деятельностью, в том числе и не состоял в партии. Почему? Сейчас трудно ответить на этот вопрос. Время тогда было очень непростое. Может, свежи были в памяти тяжёлые воспоминания о незаконном и несправедливом раскулачивании маминых родителей и их ближайших родственников. А может быть, и не принимали его в партию именно потому, что отец, мать, братья и сестры моей мамы носили по тем временам страшное клеймо «врагов народа».

К началу войны я уже ходил в школу-семилетку, поступив в первый класс в 1937 году. Школа наша находилась на центральной улице посёлка Высоково и, пожалуй, ничем не отличалась от других подобных учебных заведений того времени. К слову, моей учительницей была очень хорошая женщина, звали которую Анфиса Игнатьевна, приходящаяся снохой двоюродному брату В. П. Чкалова – Владимиру Семёновичу Чкалову.

Несмотря на то что конец 1930-х годов стал началом периода массовых репрессий в СССР, ничего конкретного сказать об этом не могу. Никто из моих родственников, родителей, знакомых или одноклассников арестован не был. Так что подобные случаи в памяти как-то не сохранились.

Историческая справка

Политические репрессии в Советской России начались практически сразу же после Октябрьской революции 1917 года. Причём их жертвами становились не только активные противники большевиков, но и люди, просто выразившие несогласие с их политикой. Кроме того, репрессии проводились также по социальному признаку – против бывших полицейских, жандармов, армейских офицеров, чиновников царского правительства, священников, помещиков и предпринимателей, а в период коллективизации – против кулаков и «подкулачников».

С началом принудительной коллективизации сельского хозяйства и ускоренной индустриализации в конце 1920-х – начале 1930-х годов, а также по мере укрепления личной власти И. В. Сталина и особенно после убийства в Ленинграде в 1934 году первого секретаря областного комитета ВКП (б) С. М. Кирова¹⁴, репрессии приобрели массовый ха-

¹⁴ Сергей Миронович Киров (настоящая фамилия – Костриков) – известный российский революционер, видный советский государственный и политический деятель. В конце 1925 года в составе группы ЦК ВКП (б) он был направлен в Ленинград для идеологической борьбы с оппозицией, где 8 января 1926 года его избирают первым секретарём Ленинградского губернского комитета (обкома) и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП (б), кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП (б). С 1930 года он становится членом Политбюро ЦК ВКП (б) и Президиума ВЦИК (Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет – высший орган государственной власти) СССР. 1 декабря 1934 года С. М. Киров года был убит в Ленинграде Леонидом Николаевым на почве ревности. Одна-

раक्टर. Особенно большого размаха они достигли в 1937—1938 годах, известных в российской и зарубежной историографии как «Большой террор».

Данный период начался с назначения на пост главы НКВД СССР¹⁵ Н. И. Ежова. В июле 1937 года им был подписан специальный приказ №00447, в соответствии с которым внесудебные «тройки» НКВД получили право вместо судебных органов не только выносить приговоры обвиняемым в совершении преступлений, но и приводить эти приговоры в исполнение в максимально упрощённом порядке.

Массовые репрессии периода «Большого террора» базировались на решениях Политбюро ЦК ВКП (б), которые принимались в соответствии с теорией И. В. Сталина об усилении карательных мер диктатуры пролетариата для борьбы

ко это убийство было объявлено советским руководством политическим, следствием заговора «врагов народа», что послужило поводом для начала массовых репрессий в СССР, известных как «Большой террор». Память о С. М. Кирове была увековечена в многочисленных памятниках, произведениях искусства а также в названиях населённых пунктов, улиц и площадей на всей территории бывшего Советского Союза. Массовые переименования географических объектов, а также установка памятников в честь Кирова начались буквально через несколько недель после его гибели. На закате советской власти и в постсоветское время стала характерна обратная тенденция – возвращение старых названий и демонтаж памятников коммунистическим деятелям, в том числе и С. М. Кирову. Тем не менее крупнейший населённый пункт, носящий имя Кирова, – бывшая Вятка – обратно переименован не был. – По материалам статьи «Киров Сергей Миронович», опубликованной на интернет-портале «Википедия. Свободная энциклопедия».

¹⁵ Народный комиссариат внутренних дел – аналог нынешнего МВД.

бы с остатками капиталистических классов, представители которых должны были изолироваться или уничтожаться. Характерно, что осуществлялись такие действия на основании назначаемых цифр («плановых заданий») по выявлению и наказанию так называемых врагов народа.

При этом репрессировались не только лица, ведущие активную преступную и подрывную антисоветскую деятельность, но и просто подозреваемые в таковой. В первую очередь к их числу относились бывшие кулаки, члены повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формирований; члены антисоветских партий; бывшие военнослужащие Белой армии; уголовники; чиновники, ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой, а также подобные элементы, уже находящиеся в тюрьмах, лагерях, трудовых поселениях и колониях, продолжающие вести там активную антисоветскую подрывную работу.

Такой подход позволил развернуть в стране активное доносительство, позволяющее людям не только выявлять «затаившихся врагов», но и попросту сводить счёты со своими обидчиками, неудобными руководителями и чиновниками самого различного уровня и социального происхождения. Нередко доносы писали на соседей, чтобы после их ареста завладеть большей жилплощадью, занять освободившиеся должности или убрать с дороги чем-то мешающих кому-то людей, ложно обвиняя их в самых разных нелицеприятных деяниях.

Всего по различным, а не только по политическим мотивам в период «Большого террора» было арестовано около полутора миллионов человек. Без малого половина из них была расстреляна. При этом только по так называемым Сталинским расстрельным спискам, утверждаемым Политбюро ЦК ВКП (б), было уничтожено 43,8 тыс. человек. В подавляющем большинстве это были работники различных управленческих структур, в том числе НКВД и РККА¹⁶. В частности, расстрелу подверглись 78% членов ЦК ВКП (б).

Окончанием «Большого террора» можно считать сентябрь-ноябрь 1938 года, когда Н. И. Ежов был смещён с поста руководителя НКВД и впоследствии сам расстрелян как «враг народа». После этого СНК СССР¹⁷ и ЦК ВКП (б) 17 ноября 1938 года приняли постановление о запрете органам НКВД и прокуратуры проводить какие-либо массовые аресты и выселение граждан. Были ликвидированы и внесудебные «тройки», созданные особым приказом НКВД СССР.

Вместе с тем репрессии в Советском Союзе, хотя и в меньших масштабах, продолжались практически до смерти И. В. Сталина в 1953 году. Нередко они носили характер целенаправленных кампаний (так называемые Ев-

¹⁶ Рабоче-крестьянская Красная Армия – официальное название Вооруженных Сил СССР в тот период.

¹⁷ Совет Народных Комиссаров – официальное наименование правительства СССР в тот период.

рейское дело, Дело врачей и т.п.).

Самое, наверно, значительное, что осталось в моей памяти о предвоенном периоде, да и о войне, – это то, что жизнь в ту пору была очень тяжёлой. И голодной, и холодной. Тогда практически все заводили маленькие огородики, выращивая на них летом хоть какую-то снесь. В основном картофель. Тем и кормились.

Нашей семье в этом смысле не повезло. Земля, на которой стоял наш дом, где мы тоже пытались хоть что-то вырастить для еды, явно была неплодородной. Сплошной песок. И удобрений тогда взять было негде. Даже навоз был в дефиците. Как говаривал в ту пору отец, перефразируя известную русскую поговорку, «сколько посеяли, столько и собрали».

Поэтому в выходные дни мне вместе с ним часто приходилось заниматься заготовкой торфа, чтобы было чем топить печь. Уходили километров на пять-шесть от посёлка, где жили. Таскали торф домой в корзинках да на тачках-тележках. Лошадей-то и подвод в посёлке ни у кого не было. Так вот и жили.

Но самое тяжёлое время наступило в начале 1943 года. Начался голод. Это я хорошо помню. Мне тогда было уже тринадцать лет. Какое-никакое пропитание семье, особенно зимой, приходилось добывать, ходя по деревням и меняя на еду самые разные вещи.

Память чётко сохранила о том периоде одно страшное

воспоминание. Однажды, в феврале 1943-го, отец сказал: «Собирайся, сынок, да одевайся потеплее. Поедем поменяем что-нибудь на картошку».

От Высоково до Балахны, что в пятнадцать километрах к северу от того места, где мы жили, доехали на поезде. Потом пешком. Перешли по льду Волгу и, продвигаясь по направлению на юг, придерживаясь левого берега реки, на протяжении километров двенадцати обходили все деревни подряд. Причём весьма удачно. Смогли набрать довольно много картошки, отдавая за неё всякую всячину из нашего домашнего скарба: у отца мешок да у меня какие-то саночки, что с собой брали, тоже полные картошкой.

И тут, когда уже собрались возвращаться назад, в Балахну, местные жители посоветовали идти другой дорогой. Мол, что возвращаться назад почти пятнадцать километров? Да потом ещё столько же на поезде ехать до дома? Тут дорога есть прямая до посёлка Копосово. Мы, деревенские, дескать, всегда по ней на базар туда ездим. Всего-то, мол, километров восемь. А от Копосово до нашего Высоково совсем рядом – километра три, не больше.

Подумал отец, подумал и решил идти этим коротким путём. Всё почти в три раза ближе. Так и двинулись мы по указанной нам дороге. Хотя, скорее, по сути, это была просто хорошо утоптанная тропинка, которая к тому же еле-еле угадывалась под снегом. Ну да ничего. Время было всего где-то около двух часов дня. Успеет засветло, казалось нам.

Да вот беда – через два-три километра пройденного нами пути сильно завьюжило, а к вечеру ещё и мороз усилился. В общем, как говорится, ни зги не видно. Чем дальше, тем больше становилось ясно, что с пути мы сбились. Шли каким-то кустарником. Стали появляться овраги. Часов через пять-шесть, когда совсем стемнело, и отец, и я полностью выбились из сил. Хорошо хоть часам к девяти вечера пурга стихла. Небо прояснилось. На нём стали хорошо видны яркие звёзды, по которым уже можно было попытаться сориентироваться.

Уставшие, мы скатились в какой-то глубокий овраг, из которого никак не могли выбраться, окончательно выбившись из сил. Тогда папа предложил немного отдохнуть. Через какое-то время он начал засыпать, что на сильном морозе означало верную смерть. И тут я, сам-то уже полусонный, вдруг услышал какие-то голоса. Очнувшись, стал что было сил расталкивать отца:

– Папа, папа, проснись, голоса какие-то слышно!

– Да какие тут могут быть голоса, чудится тебе небось, – сквозь сон ответил он.

– Да нет же, нет, не чудится! Точно кто-то говорит! Голоса-то женские!

И я не ошибся. На наше счастье, мимо нашей ямы проходили на лыжах девушки-связисты, искавшие повреждение на кабельной линии, вышедшей из строя из-за бурана. Они были из зенитной части, что стояла вдоль берега Волги. Нем-

цы использовали реку как ориентир для воздушных налетов на промышленные объекты Горького и Сормова. А наши прожектористы и зенитчики отражали эти атаки.

Так нам несказанно повезло. Замерзли бы, да и дело с концом.

Мы начали кричать. Девчонки кое-как вытащили нас из ямы. Рассказали нам, где мы находимся. Оказывается, мы долгое время шли вдоль Волги в противоположную от Копосово сторону. Река была в каких-то пятидесяти-ста метрах от нас.

Они сориентировали нас на небольшую землянку-сторожку, что стояла совсем неподалёку, где можно было отогреться. Дойдя до неё и просидев там в тепле пару часов, мы с отцом наконец-то пришли в себя. Сторож, охранявший колхозное сено, напоил нас кипятком, показал место, где можно перейти широкую в тех местах Волгу в направлении поселка Ляхово, где у отца жил один из его коллег по бригаде. Но при этом строго-настрого предупредил, чтобы мы шли четко на обозначенный им ориентир. Мол, в других местах промоин много, занесённых снегом. Можно провалиться.

Пошли. Время было уже около двенадцати ночи. Видимость очень плохая. Двигались строго след в след, на определенном расстоянии друг от друга. И тут отец попал в полынью. Хорошо ещё, сторож надоумил нас следи¹⁸ взять да

¹⁸ Достаточно длинная палка, жердь. Используется при пересечении трудно-

и промоина эта оказалась не сильно глубокой.

Тем не менее, когда мы дошли до Ляхово, мокрая одежда на отце, замерзшая на морозе, практически вся полопалась. Благо встретили нас там хорошо. Накормили, отогрели. Товарищ отца дал ему другую одежду. А рано утром – бегом к поезду. Надо было домой успеть, а потом отцу ещё и на работу. До станции-то километра три, да от неё до нашего Высоково на поезде ещё три.

В итоге всё сложилось, к счастью, довольно удачно. И домой успели завезти всю картошку, что наменяли, и на работу в понедельник утром отец не опоздал.

Только вот происшествие это с его ночным «купанием» не прошло бесследно. Вскоре он тяжело заболел. Его положили в больницу. Но болезнь развивалась стремительно, и 23 мая 1943 года отец умер...

Жить после этого стало ещё тяжелее. К тому же на руках у мамы остался мой девятимесячный брат Юра.

С того времени и началась моя взрослая жизнь. Хотя и родственники мамины помогали, и мать продолжала заниматься шитьём, потеря отца всё равно была невосполнимой.

Несмотря на то что мне шёл только четырнадцатый год, теперь летом заготовкой торфа я должен был заниматься один. Кроме того, зимой с друзьями в лес ездили, лазили

проходимых, в первую очередь заболоченных участков местности для проверки прочности дна, а также для оказания помощи человеку в случае его провала в болотную трясику или (как здесь) под лёд.

по соснам, срубали сухие сучья, которые можно было использовать как дрова. Ну, а потом – лодки строил, на рыбалку и охоту ходил...

В общем, хлебнула тогда семья наша лиха, что называется, по полной. Хотя что тут говорить? Ведь очень многие тогда так жили...

В 1944 году я окончил школу-семилетку. Хотел идти работать на завод, чтобы маме с братом, да и мне с ними жить полегче стало. Но мама настояла, чтобы я учился дальше.

В результате меня приняли в Сормовский машиностроительный техникум, как и хотела мама. Учили там по двум специальностям – сварщик и техник-механик. Я выбрал вторую. Учились мы вместе, три друга-одноклассника... Каждый день приходилось ездить из нашего Высоково в Сормово и обратно. Техникум-то находился фактически на территории завода.

Когда стукнуло мне 18 лет, пришла повестка из военкомата. В общем-то, всё как положено. В тот период вопрос о том, идти или не идти на службу в Вооруженные Силы (как это часто бывало в 1990-х и начале 2000-х годов), не стоял. Служили практически все. Это было нормой. А армия во многом считалась школой жизни, где из вчерашних мальчишек ковали настоящих мужчин – стойких, выносливых, мужественных. Готовых к защите своей Родины, своей семьи, детей и близких людей. Война-то только-только закончилась.

Явился я на призывную комиссию. Уже и подстригли ме-

ня как новобранца. Однако, изучив внимательно моё личное дело, предложили написать заявление на отсрочку от службы в армии в связи со сложным положением в семье. Ведь, по сути, я был её единственным кормильцем. Мать – домохозяйка с маленьким ребёнком на руках. Брату-то моему младшему было всего 4 года тогда.

Что оставалось делать? Написал я тогда соответствующее заявление, которое в итоге (причём совершенно законно по существующим тогда правилам) было удовлетворено. Ну а потом уже была работа на оборонном предприятии, откуда в армию призывали далеко не всех – кадры на таких заводах, особенно подготовленные, с образованием, были в тот период, как говорится, на вес золота. Так что больше повесток из военкомата мне не присылали.

Мои рабочие «университеты»

В 1948 году, после окончания Сормовского машиностроительного техникума, мне была присвоена квалификация «техник-механик», и я был распределён на работу на легендарный завод «Красное Сормово». В душе был очень горд тем, что буду работать на таком прославленном предприятии, а также тем, что на нём долгие годы трудился мой отец.

Историческая справка

«Красное Сормово» – судостроительное предприятие в Сормовском районе Нижнего Новгорода, одно из старейших в данной отрасли. Основано в 1849 году компанией «Нижегородская машинная фабрика и Волжско-Камское буксирное и завозное пароходство» как многопрофильное предприятие для выполнения ответственных государственных заказов.

К началу Первой мировой войны (1914—1918 гг.) в Сормово было построено более 500 судов, свыше 2000 паровозов, 60 тыс. единиц подвижного состава и другой продукции тяжёлого машиностроения.

Одновременно с первых дней своего существования завод был одним из главных производственных объектов по наращиванию военного потенциала страны. Здесь стро-

ились военные суда, бронепоезда, выпускались боеприпасы, а в 1920 году был создан первый отечественный танк «Борец за свободу тов. Ленин».

При этом данное предприятие отличалось высокой активностью стачечного и революционного движения, зародившегося там в конце XIX века. Его рабочие активно участвовали в забастовках и других акциях протеста, особенно в период всех русских революций как в 1905, так и в 1917 годах, приветствуя их итоги, особенно приход к власти Советского правительства.

18 июня 1918 года постановлением Всероссийского Совета Народного Хозяйства предприятие было национализировано и объявлено общенародной собственностью. Наименование «Красное Сормово» завод получил 17 ноября 1922 года по постановлению президиума Нижегородского губисполкома.

С 1918 до 1941 года здесь было построено свыше 240 надводных судов, не считая подлодок, выпущено 600 дизельных двигателей, более 1000 паровозов, свыше 80 тысяч вагонов и других единиц подвижного состава.

В 1930 году открылась одна из самых удивительных и героических страниц истории завода: 23 февраля на «Красном Сормово» была заложена первая дизельная подводная лодка «Комсомолец» проекта «Щука» III серии. Подводные лодки стали самым высоким вкладом завода в оборону страны и строились на нём с 1930 по 2005 год. За 75 лет под-

водного судостроения было построено и сдано ВМФ более 300 боевых подводных кораблей, в том числе 26 атомных. Также производились спасательные подводные аппараты пр.1837 «Приз» и «Бестер» и другая техника для работы под водой.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. в исключительно сжатый срок ряд цехов был переоборудован под выпуск легендарных танков Т-34, которых было изготовлено около 12 тысяч. Одновременно была перестроена и металлургия предприятия, что позволило наладить выпуск артиллерийских снарядов, корпуса реактивного вооружения и целый ряд другой продукции военного назначения.

После войны завод перешёл на серийный выпуск грузопассажирских судов для Волжского бассейна и пассажирских паровозов серии «СУ».

«Красное Сормово» всегда был на передовых рубежах технологического процесса. Здесь были построены и внедрены:

- первая в России мартеновская печь;
- первая установка непрерывной разливки стали;
- первый в мире дизель-электроход;
- первые отечественные танки;
- первые суда на подводных крыльях;
- первая в России серия высокотехнологичных дноуглубительных судов проекта TSHD-1000.

За достигнутые успехи в советский период завод награждён шестью высокими государственными наградами СССР:

двумя орденами Ленина (1943 и 1949 гг.), орденами Октябрьской Революции (1970 г.), Отечественной войны I степени (1945 г.) и Трудового Красного Знамени (1939 г.)

С распадом СССР завод сумел достаточно успешно перейти на рыночные отношения, сохранил производственный и интеллектуальный потенциал, продолжив выпуск конкурентоспособной продукции: сухогрузных теплоходов и нефтеналивных танкеров, барж, дноуглубительных судов и многого другого.

С 1994 года он является открытым акционерным обществом с полным названием ОАО «Завод „Красное Сормово“». В 2015 году завод сменил свой статус с ОАО на Публичное Акционерное Общество (ПАО). В настоящее время входит в состав Объединенной судостроительной корпорации РФ на правах одного из её ведущих предприятий.

3 августа 1948 года, впервые прибыв на завод, я сразу был распределён в заводскую службу технического контроля в качестве контролёра, однако уже через два-три месяца меня перевели на должность мастера. Людей-то с образованием тогда очень не хватало! Это было весьма ответственно, так как на нас лежала задача жёсткой проверки качества широкого спектра выпускаемой предприятием продукции.

На первой своей должности мне пришлось трудиться в очень большом, во многом уникальном механосборочном цехе. В нём изготавливались гребные и коленчатые валы для

судов различных классов.

Первые предназначались как для речных, так и для морских кораблей и судов не только гражданского, но и военного назначения, прежде всего для подводных лодок. Вторые использовались во всевозможных двигательных установках. Причём точность обработки шеек вала порой составляла единицы микрон! Поэтому цех был оснащён самым передовым, а зачастую и уникальным по тем временам оборудованием, на котором можно было производить вышеуказанные валы длиной десять и более метров.

Кроме того, цех выпускал такую важную для любого корабля и судна деталь, как гребные винты. К ним, особенно к тем, которые шли на оснащение подводных лодок, предъявлялись очень высокие требования по качеству, прежде всего с точки зрения точности изготовления. Ведь именно гребной винт подводной лодки определяет её главную боевую характеристику – «шумность». Чем она меньше, тем труднее гидроакустикам противника определить как само наличие лодки, так и её точное местоположение под водой. А это – базовый показатель живучести лодки и её способности выполнить поставленные боевые задачи, оставаясь незамеченной.

В дополнение к этому было организовано производство различных подшипников, в частности – упорных. Они нужны для того, чтобы защитить движительную установку корабля от так называемого упора, создаваемого гребным вин-

том во время его работы.

Выпускалось и другое оборудование, такое как всевозможные перекачивающие насосы, лебёдки, так называемые носовые брашпили для подъёма якорей, кормовые шпили и многое другое. Благодаря этому, хотя и проработав там очень небольшое время, всего-то несколько месяцев, я получил огромный опыт с точки зрения знакомства с технологиями изготовления различной продукции, чтения чертежей и проведения самых разных, в том числе и высокоточных измерений.

В начале следующего, 1949-го, года по распоряжению руководства я был переведён, что называется, на берег – в специальный центр, входивший в состав сдаточно-испытательной службы. Она занималась проведением как «швартовых», так и государственных ходовых испытаний уже готовых судов – буксиров мощностью в шестьсот лошадиных сил, сухогрузных теплоходов грузоподъёмностью до двух тысяч тонн и земснарядов-«землесосов»¹⁹ производительностью выкачивания до трехсот пятидесяти кубометров водно-грунтовой смеси в час.

Швартовые испытания проводились в заводской акватории. При этом тщательной проверке на соответствие техническим заданиям и стандартам подвергались все механизмы,

¹⁹ Суда технического флота, оснащённые мощными грунтовыми насосами, способными всасывать воду с повышенным содержанием грунта. Предназначены для углубления дна и добычи нерудных строительных материалов.

на них установленные. Начиная с двигательной установки (если быть точным – движителя), у которой в различных режимах работы замерялась мощность и число оборотов, снималась индикаторная диаграмма давления, устанавливался истинный расход топлива, ну и так далее. В насосах проверялась их производительность и сила тока жидкостей. На лебёдках – время подъёма якорей. Короче говоря, как доктор тщательно обследует вновь поступившего к нему больного, берет у него различные анализы, так и любой корабль, любое судно детально исследуется, прежде чем ему будет дано разрешение выйти на «большую» воду.

Ну а после «швартовых» проводятся уже ходовые, государственные испытания, где на «мерной миле» замеряется скорость, диаметр циркуляции (основная характеристика поворотливости) корабля и многие-многие другие параметры.

В общем, работа была не только интересная, но и весьма полезная с точки зрения получения молодым кораблестроителем необходимого опыта. Благодаря этому за сравнительно короткое время я сумел досконально изучить строение различных судов: и сухогрузов, и буксиров, и «землесосов». Впоследствии, когда я стал заниматься испытанием подводных лодок, накопленные знания были большим подспорьем для освоения этой сложной и ответственной работы.

В 1949 году Правительство СССР приняло решение о создании специальных крановых судов, которые должны бы-

ли применяться на Бакинских нефтепромыслах. С их помощью предполагалось устанавливать буровые вышки в открытом море. Сроки строительства первого такого судна были определены очень жёсткие, да ещё соответствующие документы поступили на завод с задержкой. В связи с этим руководство «Красного Сормово» приняло решение использовать для выполнения поставленной задачи платформу сухогруза, который в тот момент строился на заводе с опережением графика. Его ввод в строй предполагался в начале 1950 года.

На это ещё не до конца достроенное судно достаточно быстро можно было установить два деррик-крана²⁰ грузоподъёмностью по сорок тонн каждый. С учетом того, что в то время на Волге приближался конец навигации (в Камском устье ледостав начинается достаточно рано), всё необходимое оборудование погрузили на этот сухогруз и его в срочном порядке отправили в Баку. Вместе с ним в столицу Азербайджана было командировано значительное количество рабочих и инженерно-технического персонала различных специальностей, которые на месте должны были выполнить все необходимые мероприятия по его переоборудованию и достройке и там же сдать готовое крановое судно в эксплуатацию. В их числе оказался и я. Мы выехали в Астрахань на по-

²⁰ Разновидность строительных мачтово-стреловых кранов, предназначенная для выполнения различных подъёмно-транспортных работ в промышленном строительстве.

ездах, чтобы встретить там «наше детище», которое, получив название «Азморнефть», пошло вниз по Волге. Причём до Казани, где реку местами уже начал сковывать лед, оно вынуждено было следовать в сопровождении ледокола.

В итоге в Астрахани собралась целая экспедиция. В её состав кроме сормовского плавучего крана вошли буксирный теплоход (рейдовый буксир) «Память Войкова», следующий в Баку на капитальный ремонт, а также не то шесть, не то восемь не особо больших деревянных рыболовецких сейнеров, изготовленных на Петрозаводском судостроительном заводе. «Азморнефть», в силу того, что была самым большим судном длиной 95 метров, выполняла роль флагмана, где разместился штаб этого перехода.

На совещании было принято решение идти в Баку не кратчайшим путем через Дербент, а через Туркмению. Это объяснялось тем, что в районе Дербента постоянно наблюдалась морская зыбь, труднопреодолимая полуречными судами, входящими в состав нашей «флотилии». Таким образом, сначала мы планировали дойти до туркменского Бекташа, что севернее Красноводска, а затем пересечь Каспий с востока на запад.

Сказано – сделано, и наша «эскадра» двинулась в путь. Однако через три-четыре часа после того как мы вышли в открытое море и взяли курс на Бекташ, поднялся сильный ветер и начался шторм. Все малые суда из нашего каравана стало здорово раскачивать. Шли они, что называется, «на по-

плавке». Ещё часа через четыре начало смеркаться. А шторм не утихал. Наоборот, он всё более и более усиливался.

Рыболовецкие сейнеры, можно сказать, просто «катались» на волнах. Буксир же «Память Войкова» постоянно пропадал из виду. То видна была его носовая часть, то кормовая. Наша «Азморнефть» тоже чувствовала себя не лучшим образом. Судно ведь совсем недавно было спущено на воду. Дизели ходовой установки ещё даже не успели толком отрегулировать. Кроме того, сухогруз был спроектирован как речное судно, такого «ложкообразного» типа, способного лишь «наезжать» на волну, не имея никаких возможностей её «резать». В итоге «Азморнефть» начала вставать на гребни волн, расстояние между которыми даже метров в 15 было для неё губительной, не говоря уже о том, что имело место в тот шторм на Каспии – доходило метров до 40. В результате, когда судно поднималось на очередной гребень волны, сначала его нос, а затем и корма оголялись и, соответственно, оголялись гребные винты, вынужденные работать не в воде, а в воздухе. Это было чревато большими неприятностями вплоть до выхода из строя практически ещё новых, толком не «приработавшихся» дизельных двигателей. Кроме того, в складывающихся условиях специалисты серьёзно опасались возможности разрыва сварочных швов корпуса.

В штабе перехода усиливалось волнение. Появились и паникеры, которые по старой морской традиции начали пере-

одеваться в чистую одежду²¹. Короче говоря, обстановка была очень сложная.

Страшно ли было? Конечно! Чего там, мне и двадцати-то ещё не стукнуло в тот период. Хотя в молодости порог страха ещё не так высок, как, например, в зрелом возрасте. Поэтому, пожалуй, сейчас вспоминать это намного страшнее, чем было тогда на судне...

Через некоторое время с «Памяти Войкова» поступил сигнал SOS. У них от сильной качки сбило коффердамовую²² крышку, началось затопление трюма. В складывающейся обстановке было принято решение сменить курс. Идти не на Бекташ, а на Гурьев. Это позволяло не «резать» волну, а двигаться в параллель ей, что давало возможность более-менее нормально перенести такой мощный шторм. В итоге где-то через сутки погода успокоилась и мы легли на прежний курс в направлении Бекташа.

А ещё часов через двенадцать наш караван прибыл в пункт назначения, где была сделана остановка. Я тогда

²¹ По существующей у моряков традиции в условиях, грозящих гибелью судна (прежде всего, в сильный шторм), необходимо переодеться в чистую одежду. Это имеет как сакральный, так и вполне утилитарный смысл. Что касается сакральной стороны, то переодевание в новые одежды было данью уважения к Богу, перед судом которого моряку, возможно, предстояло в скором времени предстать. С утилитарной же точки зрения чистая одежда при ранении давала меньше шансов получить заражение от попавшей в рану одежды. Кроме того, менее грязным оторванным лоскутом можно было в случае надобности перевязать и рану.

²² Коффердам (англ. *cafferdam*) – узкий непроницаемый отсек, разделяющий соседние помещения на судне.

впервые ступил на туркменскую землю. Хотя какая там земля! Одни пески зыбучие да соляные разработки. Ну и верблюды, конечно, которых я тоже увидел там первый раз в жизни.

Простояв в Бекташе несколько часов, отдохнув, придя в себя и выполнив работы по устранению последствий шторма, мы взяли курс на Баку. Когда подходили к столице Азербайджана, со стороны моря открылся очень красивый вид. В центре – остров, а сам город представлял собой огромную многоступенчатую чашу наподобие римского Колизея. К тому же, подсвеченный вечерними огнями, он создавал потрясающе-завораживающее зрелище с поднимающимися в гору современными проспектами, огромным памятником С. М. Кирову и старинными узкими улочками...

Прибыв в Баку в конце ноября 1949-го, уже к маю-июню 1950-го года усилиями сормовских специалистов крановое судно было полностью достроено и сдано в эксплуатацию. Таким образом сложное и важное правительственное задание было нами успешно выполнено, и я вместе с нашим большим коллективом командированных рабочих вернулся на родной завод.

Как раз в тот период «Красное Сормово» в соответствии с новым решением партии и правительства приступило к наращиванию объёмов строительства подводных лодок. В связи с этим в заводском судостроительном отделе на основе существующего бюро было сформировано специальное под-

разделение, получившее название «Отдел достроечных баз». Ему были подчинены Бакинская, Севастопольская, Молотовская (ныне – Северодвинская) и Лиепайская сдаточные базы подводных лодок. И меня, хотя и молодого ещё, однако уже имеющего определённый опыт специалиста, перевели в это подразделение сначала на должность старшего инженера, а через два года назначили на должность «строитель судов». Проработал я там в итоге около десяти лет.

В задачу отдела входило устранение на месте различных неполадок, рекламаций и конструкторских недоработок, выявлявшихся в процессе испытаний, сдачи и гарантийной эксплуатации наших субмарин. Конечно, откровенного брака-то не было, тем не менее различных вопросов возникало немало. Поэтому мне часто приходилось выезжать, так сказать, на места, в том числе и по проблемам, связанным с выпускаемыми нашим заводом гражданскими судами.

В частности, много нареканий шло по специальным насосам, которые выпускал завод в городе Чкалове Горьковской области. Они устанавливались на земснарядах. В этих насосах наиболее слабым местом был рефулерный узел. Автоматика, установленная в нём, работала из рук вон плохо. Предназначенная для отключения всасывающего устройства при попадании в него высокоплотной, чрезмерно загрязнённой примесью пульпы, система автоматического отключения зачастую не срабатывала. В итоге приходилось чистить трубы, которые по своей длине достигали двухсот метров.

Из-за этого насос, а иногда и весь земснаряд, практически несколько суток простаивал из-за ремонта. В итоге эти чкаловские насосы пришлось, грубо говоря, «зарубить», отказавшись от их дальнейшего использования.

Таким образом, ездить приходилось по многим сдаточным базам, а не только по четырём вышеперечисленным, где сдавали подводные лодки. Так я побывал в Котласе и во многих других местах, решая вопросы гарантийного ремонта изготовленных «Красным Сормово» сухогрузов. В общем, покосить-то по нашей необъятной Родине пришлось немало.

А тут в 1951 году на завод поступило очередное срочное и весьма серьёзное распоряжение правительства. Оно предусматривало доработку «на особый», так сказать, период²³ всех видов буксиров, чтобы была возможность использовать их в качестве рейдовых тральщиков. И как всегда, практически уже традиционно, поступил такой документ ближе к концу навигации, где-то в августе месяце.

При этом меня вызвали из очередной командировки и назначили ответственным сдатчиком такого модернизированного буксира под названием «Гурылёв». Установили на него цепной оградитель корабля (сокращённо – ЦОК), а на носу, перед рубкой, смонтировали два двуствольных крупнокалиберных пулемёта.

Меня как ответственного сдатчика включили в состав государственной комиссии (и это в двадцать-то с неболь-

²³ Имеется в виду на период войны.

шим!). Соответствующие испытания проводились на Рыбинском водохранилище. К счастью, прошло всё очень успешно. Так мы (я имею в виду, конечно, завод) выполнили ещё одно важное задание партии и правительства.

В силу того что прецедент назначения меня ответственным сдатчиком с включением в состав госкомиссии был создан, после окончания испытаний дооборудованного буксира меня фактически сразу же направили на такую же работу, но уже по двум ледокольным судам – «Волга» и «Дон». Они были полностью построены к декабрю 1951 года, и проведены их испытания в ледовых условиях. Однако для окончательной сдачи необходимо было провести их ходовые летние государственные испытания.

В связи с тем что оба этих ледокола являлись однотипными, было принято решение в полном объёме испытывать только один из них. Выбор пал на «Дон», приписанный к Московскому речному пароходству. Однако из-за того что в тот период уровень воды в канале Москва-Волга был не везде достаточным для прохода нашего «Дона» с осадкой в 3,2 метра, его испытания разрешили провести на Волге. После их успешного завершения было получено дополнительное указание о специальном дооборудовании этого ледокола на военное время с целью сделать его судном рейдовой расчистки от мин.

Для того чтобы таким образом оснащённое судно не подорвалось на магнитной мине, прокладывая путь во льдах,

на него необходимо было установить устройство специальной защиты – систему размагничивания. При этом для сокращения времени испытаний было принято решение не монтировать всю названную систему целиком, а ограничиться только монтажом соответствующих кабелей. Кроме того, на главной палубе в носовой части ледокола были смонтированы две двуствольных 57-миллиметровых пушки, а перед ходовой рубкой – два крупнокалиберных двуствольных пулемёта.

Испытания проводились на Волге в районе села Катунки, что в восьми километрах севернее города Чкаловск. Горьковского водохранилища, кстати, тогда ещё не было. Правый берег реки в то время в этом месте был очень высоким – настоящая гора. При этом председатель комиссии, скажем так, «дал маху». Заказав достаточное количество матросов, он почему-то вызвал всего двух артиллеристов.

По согласованию с местными властями гору, о которой я уже говорил и по которой в ходе испытаний должна была вестись стрельба, оцепили, задействовав для этого милицию и военных. Однако испытания, которые впервые должны были проводиться в этом месте, вызвали большой интерес и любопытство местных жителей. Дети даже в школу не пошли, чтобы увидеть такое зрелище. Стреляли-то трассирующими снарядами и патронами, чтобы чётко определять траекторию их полета. А это картина действительно очень красивая, особенно в вечернее время.

И тут встала дилемма. Как два артиллериста одновременно будут вести огонь из двух орудий и двух пулеметов. А у меня в сдаточной команде был один такой специалист, и ещё один был в экипаже «Дона». Но по инструкции в период испытаний стрелять должны только специально подготовленные люди, «заказанные», так сказать, заранее, фамилии которых указывались в соответствующем акте.

Председатель комиссии понял свою ошибку и сильно расстроился. Действительно, что делать? Ведь время для стрельб выделили крайне ограниченное. Перекрыли всё движение по Волге – как вверх, так и вниз. Оцепление опять же выставили большое.

Тогда мы с заводским военпредом, молодым ещё майором, подошли к главе комиссии и предложили, так сказать, свои услуги. Встанем, мол, каждый за пулемёт, да и дело с концом. Мы же все-таки формально входили в состав этой самой комиссии, поэтому нарушение существующих правил, по сути, было минимальным. Поразмыслив, председатель согласился. А что ещё ему оставалось делать?

Вот так я первый раз стрелял из крупнокалиберного пулемёта. Сначала зажмурился, до этого ни разу же не вёл огонь из такого весьма грозного оружия. А потом ничего, освоился! Стрелял вполне уверенно. И вот тогда понял, почему селяне хотели всё это увидеть. Картина была потрясающая. Стреляли-то сразу из всех видов оружия «трассерами», да ещё под разными углами. Красотища, да и только! Такое

только в кино, да и то не всегда увидеть можно. Не зря воспоминания об этом событии остались в моей памяти на всю жизнь. Вот и сейчас рассказываю о том, что происходило, а перед глазами – живая картина из прошлого...

В целом программа испытаний была завершена блестяще. Нет, были, конечно, выявлены определённые моменты, потребовавшие незначительной доработки. В частности, потребовалось несколько укрепить палубу под пулемётами, устранить ещё кое-какие мелкие огрехи. Но на успешное решение главной задачи это не оказало какого-либо негативного влияния...

А время-то тогда было какое! Молодость! По ходу испытаний нередко заканчивали работу в три, а то и в четыре утра. Летом-то светало уже. Никакие автобусы и поезда уже не ходили. И иногда приходилось домой до Высоково добираться пешочком километров восемь-десять. Идёшь по пустынной дороге. А погода-то отличная! Птицы-то поют!

Идёшь и радуешься жизни. Гордишься, что сделал что-то полезное. Хоть и маленькую, может быть, но всё же важную часть большого дела – укрепления обороноспособности своей Родины.

Такие вот воспоминания о молодости! Она была полной энергии, оптимизма и веры в большое светлое будущее, безустальную, красивую и счастливую жизнь. Это оставило особый след в памяти, запечатлев в ней незабываемые по силе своей красоты образы. И вот теперь, на склоне лет, они ча-

стенки всё возвращают и возвращают меня в то далёкое, местами трудное, но всё же очень счастливое время...

Где-то через полгода, уже в 1953 году, после окончания всех тех работ, о которых я только что рассказал, пришло сообщение о том, что на одной из вновь построенных нашим заводом подводных лодок 613-го проекта²⁴, уже находившейся в Баку, тяжело заболел заместитель ответственного сдатчика. И тогда руководство завода, с учётом положительных результатов в работе и накопленного к тому времени опыта, приняло решение заменить его мной. Так я был назначен на столь важную и ответственную должность и вновь, уже во второй раз в своей жизни, выехал в Баку...

Сдача лодки в эксплуатацию проходила, в общем-то, в плановом порядке. Причём процесс её погружения, особенно когда я участвовал в нём впервые, произвел на меня очень сильное впечатление.

Ощущение было жутковатое. Абсолютная тишина, будто бы уходишь в какую-то бездну, в небытие. Слышно только потрескивание корпуса, сжимаемого давлением толщи воды. Величина такого сжатия фиксируется специальными приборами – штихмасами, которые находятся в центральном отсеке. Моё же место как заместителя главного сдатчика было в первом, там, где размещены торпедные аппараты. Поэто-

²⁴ Подводные лодки проекта 613 (по классификации НАТО – «Виски») – серия советских средних дизель-электрических подводных лодок, построенных в 1951—1957 годах. Серия стала самой массовой в советском подводном флоте: было построено 215 подводных лодок, из которых 115 – на заводе «Красное Сормово».

му, не зная точно, в пределах ли норм сжимается давлением корпус лодки, поначалу было немного не по себе. Позднее, когда я уже был ответственным сдачником на Чёрном море, то узнал, находясь в центральном отсеке и наблюдая за штихмасом, что подобное сжатие корпуса может достигать до пяти миллиметров!

Как я уже говорил, процесс сдачи лодки проходил нормально, по плану, без каких-либо серьёзных происшествий. И вдруг в ходе одного из погружений все почувствовали сильный удар и грохот. Первое ощущение было, что рядом с нами взорвалась какая-то бомба или мина. Лодка встала. Прошла традиционная команда «осмотреться в отсеках». Осмотрелись и практически сразу обнаружили причину – в одном из спасательных буюв просто-напросто лопнула лампа. И всё. А впечатление было, будто мы на мину какую напоролись. Такие вот дела. Там, на глубине, когда вокруг тебя полная тишина, даже небольшой шорох кажется грохотом, не то что звук от лопнувшей лампы!

Ещё одной неприятностью стала потерянная в ходе одних из стрельб торпеда, на поиски которой ушло около двух часов. В результате лодка опоздала с заходом в гавань. Пришлось «отстаиваться» неподалёку, возле одного из островов, на котором, как потом выяснилось, обитало огромное количество ужей. Мы, если бы знали об этом, конечно, стояли бы в подводном положении, а не в подвсплытии, как решил командир. В результате в лодку, что называется, «во все щели»,

набилось огромное количество ужей, создавших нам массу проблем. По-хорошему надо было бы их сразу оттуда удалить, а этого не сделали. Все эти змеи погибли, да и давлением их потом в тех самых «щелях» буквально расплющило. Так что пришлось потом тщательно вычищать следы пребывания на субмарине этих непрошенных гостей, а малярам даже по новой кое-что и закрашивать.

Кстати, во время глубоководного испытательного погружения команда моряков первого отсека, в котором я находился, по сути – моих сверстников, что называется, «посвятила» меня в подводники. Для этого набрали забортной воды с глубины сто семьдесят (!) метров, которую мне и другим товарищам, ранее не проходившим подобного «обряда», пришлось, как полагается, выпить. С тех пор я как человек, прошедший подобную «процедуру посвящения», считаю себя настоящим подводником, чем и горжусь по сей день.

К счастью, каких бы то ни было других происшествий при сдаче больше не произошло. В результате лодка была успешно и в пределах установленного графика передана Каспийской флотилии, где продолжила свою службу. Ну а мы, заводчане, вернулись домой.

Как раз в тот период Министерство судостроения СССР на базе Ленинградского кораблестроительного института организовало курсы повышения квалификации. Туда меня и направили как опытного уже специалиста, не имевшего высшего образования. Шесть месяцев мы «грызли гранит на-

уки» во дворце, принадлежавшем до Октябрьской революции 1917 года знаменитой в начале двадцатого века балерине Матильде Фёдоровне Кшесинской, где для нас были оборудованы учебные аудитории.

Жизнь, однако, шла своим чередом. Окончив учёбу, я вернулся на родной уже Сормовский завод. И вот, в то самое время один из Ленинградских оборонных НИИ разработал специальную радиолокационную станцию (РЛС, попросту – радар, локатор) для подводных лодок.

В сравнении с существующими он позволял в десять раз (!) быстрее обнаруживать надводные и воздушные цели. Это было не просто важное изобретение, оно могло существенным, качественным образом повысить боеспособность отечественных подводных крейсеров-ракетоносцев и тем самым обеспечить их значительное превосходство над противником. Поэтому правительством страны было принято важное решение о монтаже опытного образца данной РЛС на одной из лодок и о проведении комплексных испытаний такой субмарины.

В связи с этим именно меня, недавно окончившего курсы повышения квалификации, назначили ответственным сдатчиком от завода, и я выехал на Северный флот, в город Полярный, где размещался судоремонтный завод СРЗ-6. Было это в 1955-м году.

Сам локатор представлял собой выдвижное устройство с диаметром антенной головки около семисот миллиметров,

которую можно было поднимать над водой из подводного положения.

Лодка, на которую предстояло установить новый радар, находилась в плановом ремонте, близившемся к завершению. Поэтому сроки на монтаж экспериментального оборудования, его испытание и сдачу уже модернизированной субмарины в эксплуатацию были сильно ограничены. На всё про всё – не более трёх месяцев.

Саму РЛС с выдвижным устройством установили достаточно быстро. Специалисты на заводе были очень хорошие. Провели ходовые испытания лодки, на которых попали в сильный шторм. Болтанка с борта на борт тогда была знатная. Укачало всех очень сильно, из-за чего запах в отсеках стоял ужасный.

В сложившихся обстоятельствах командир принял решение продуть лодку через третий отсек и предложил мне подняться на палубу, подышать, так сказать, свежим воздухом.

Выходило нас всего несколько человек – командир, его помощник, вахтенный сигнальщик и я. Причём мне довелось впервые выходить на палубу через верхний люк подлодки в шторм. Замешкавшись по неопытности, когда лодку сильно качнуло в одну сторону, я плотно застрял в нём, создав тем самым избыточное давление снизу. И вот, когда качнуло в другую сторону, меня, как пробку из бутылки с шампанским, вытолкнуло наружу. Хорошо, что вахтенный сумел меня схватить. Это спасло от «купания» в ледяной во-

де, куда уже успела улететь моя шапка. Так я получил очередное своё, что называется, «крещение» водой.

Первое было, когда с отцом в 1943-м Волгу переходили и провалились под лёд, второе – когда шли по Каспию в Баку на «Азморнефти» в 1949-м. Третье – когда водички каспийской хлебнул со стасемидесятиметровой глубины в 1953-м. Ну а это уж, считай, четвёртое.

Характерно, что из-за шторма мы не успели к установленному времени подойти к гавани. Из-за этого нам было дано разрешение «отстояться» в одном из тихих мест неподалёку от норвежской границы. Командир предложил перебраться на берег, чтобы передохнуть от качки. Но, увидев, что волна ещё достаточно большая, и помня о своих приключениях на палубе, я не рискнул спускаться в шлюпку. В свою очередь командир, признав моё решение правильным, тоже решил не испытывать судьбу, а остаться на лодке.

Тем временем боцман и часть команды всё же воспользовались такой возможностью. Пограничники-то дали нам добро на сход, вот наши моряки и переправились на берег. А там как раз огромный косяк рыбы шел на нерест. Так что они через некоторое время, отдохнув на берегу, вернулись обратно с большим уловом. Такое количество пойманной рыбы я видел первый раз в жизни!

В течение последующих пятнадцати дней мы успешно завершили все необходимые регулировки. Со своей стороны, сотрудники Ленинградского НИИ активно проверяли рабо-

ту нового радара, который зарекомендовал себя просто блестяще. Кстати, в ходе этих испытаний по настоянию экипажа я не избежал традиционного водопития забортной, на этот раз североморской воды. Однако глубина её забора была чуть меньшей, чем на Каспии, – всего восемьдесят метров.

В то время руководством было принято весьма разумное и правильное со всех сторон решение – завершить сдачу лодки в ходе её участия в учении Северного флота ВМФ СССР. Командовал флотом в тот период легендарный адмирал Андрей Трофимович Чабаненко²⁵, который очень высоко оценил действия экипажа, а также работу новой РЛС. По итогам учений всему личному составу лодки была объявлена благодарность и трёхдневный отпуск со сходом на берег. А тот самый радар, из-за установки которого потребовалась процедура испытаний и полномасштабной сдачи подводной лодки в эксплуатацию, был сразу же принят на вооружение сил нашего Военно-Морского Флота с приказом о немедленной установке данной РЛС на все субмарины!

Таким образом, эта моя командировка в Полярный стала очередным важным поручением дирекции завода, кото-

²⁵ Советский военачальник (1909—1986), адмирал, кавалер одиннадцати орденов (из них два ордена Ленина – высшего ордена СССР и четыре Красного Знамени – одной из высших боевых наград СССР). Его именем назван большой противолодочный корабль Северного флота ВМФ РФ, вошедший в его состав 28 января 1999 года. – По материалам статьи «Чабаненко Андрей Трофимович», опубликованной на интернет-портале «Википедия. Свободная энциклопедия».

рое мной было успешно выполнено. Однако новые, не менее сложные задачи были ещё впереди.

Буквально через три месяца, уже в начале 1956 года, я вместе со своим начальником отдела Борисом Александровичем Ронжиным вновь был направлен на Северный флот, в местечко Роста. Там, на судоремонтном заводе СРЗ-35, было решено организовать модернизацию подлодок, изготовленных на «Красном Сормово».

Прибыв на место, мы практически сразу же были приняты заместителем главкома СФ ВМФ СССР, тогда ещё контр-адмиралом В. П. Разумовым, пункт управления которого как раз и находился в Росте. Именно он, что называется, и благословил нашу деятельность.

В ходе той встречи были оговорены все объёмы работ и в первом приближении обозначены сроки их выполнения. Для размещения людей нам был выделен трофейный немецкий лесовоз, переоборудованный в плавбазу под романтичным названием «Клавдия Николаевна».

Кроме этого, с целью качественного решения поставленных задач мной были налажены тесные контакты с техническим управлением флота, которое в тот период возглавлял капитан 1-го ранга Бурханов.

Совсем скоро прибыла остальная часть сдаточной команды, ожидали подводную лодку. Однако через некоторое время из Сормово поступило указание вновь направить меня для обучения в Ленинградский кораблестроительный

институт. Министерство судостроения СССР организовало при нём отдельный трёхгодичный курс для специалистов со всей нашей страны, располагавших богатым опытом работы, но не имевших высшего образования. Предполагалось дать нам различные теоретические знания, необходимые для получения дипломов о высшем образовании (практика-то была не нужна, мы уже её сполна получили).

Люди приехали учиться очень и очень интересные. Были даже ответственные работники – начальники отделов технического контроля, руководители различных служб. Был даже директор (!) одного из Ленинградских НИИ.

Чтобы сократить время на обучение, ежедневные занятия продолжались дольше обычного на один-два часа. Государству-то наше пребывание на учёбе обходилось достаточно дорого. Всем была сохранена весьма приличная зарплата по прежнему месту работы. А ведь страна только-только оправилась от последствий разрушительной войны...

В тот период встал передо мной вопрос вступления в Коммунистическую партию – КПСС²⁶. Вообще-то я достаточно активно занимался общественной работой – на заводе был заместителем секретаря комсомольской организации заводоуправления. Меня даже как-то рекомендовали на должность секретаря, но, так как я часто ездил по командиров-

²⁶ КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза. В соответствии со статьёй 6 Конституции СССР, принятой 7 октября 1977 года, КПСС являлась «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций».

кам, причём достаточно длительным, от этой идеи в итоге отказались. Тем не менее необходимые рекомендации для вступления в партию с завода мне прислали, и в 1958 году я стал членом КПСС. Этим своим званием горжусь до сих пор, хотя и партии такой давно уже нет.

В 1959-м году я успешно окончил Ленинградский кораблестроительный институт и получил соответствующий диплом о высшем образовании. Вернувшись на «Красное Сормово», уже в сентябре того же года я был назначен на новую должность – старший строитель-ответственный сдатчик подводной лодки. С этого момента мне предстояло принимать самое непосредственное участие в строительстве подлодок практически со стапелей до их сдачи заказчикам. Моя первая такая лодка имела бортовой номер 345. Это не забывается, как и дни рождения детей.

За период моей учёбы завод освоил строительство новых субмарин, уже не 613-го, а 633-го проекта. Они имели возможность погружаться уже не на сто семьдесят метров, как предыдущие, а достигать глубины в двести семьдесят метров.

Однако где-то в декабре 1959 года меня вызвал к себе теперь уже бывший мой начальник отдела достроечных баз и сказал, чтобы я готовился выехать в командировку. Мол, на одной из лодок 613-го проекта решено было установить пусковую ракетную установку, а я, дескать, уже имел опыт участия в их модернизации и смогу на месте лучше других

сориентироваться, где и как организовать необходимые работы. В общем, мне предстояло осуществить, так сказать, рекогносцировку и организовать проведение комплекса подготовительных мероприятий для того, чтобы выполнить поставленную задачу с монтажом на лодке пусковой ракетной установки как можно быстрее и качественнее.

Так я отправился на уникальную секретную базу подводных лодок Черноморского флота (ЧФ) в Балаклаву.

Историческая справка

Объект 825 ГТС (или К-825) – подземная база подводных лодок в Балаклаве, секретный военный объект ВМФ СССР, расположенный в Балаклавской бухте.

После Второй мировой войны обе сверхдержавы – СССР и США – наращивали свой ядерный потенциал, угрожая друг другу превентивными ударами и ударами возмездия. Именно тогда глава советского правительства И. В. Сталин направил одному из своих ближайших соратников – заместителю Председателя Совета Министров СССР Л. П. Берии (курировавшему в то время «ядерный проект») секретную директиву: найти такое место, где могли бы безопасно базироваться подводные лодки для нанесения ответного ядерного удара. После нескольких лет поисков выбор пал на тихую Балаклаву: город сразу же засекретили и поменяли его статус – он стал закрытым районом города Севастополь. Ме-

сто это для строительства подземного комплекса базирования подлодок было выбрано далеко не случайно. Узкий извилистый пролив шириной всего 200—400 метров укрывает гавань не только от штормов, но и от посторонних глаз – со стороны открытого моря она не просматривается ни под каким углом.

В 1953 году было создано специальное строительное управление №528, которое непосредственно занималось строительством соответствующего подземного сооружения.

Создавалось оно восемь лет – с 1953 по 1961 год. При строительстве было вывезено около 120 тыс. тонн породы. Для обеспечения секретности вывоз производился ночью на баржах в открытое море. Возводили его сначала военные, а потом метростроевцы, что было обусловлено сложностью бурения породы.

Объект представляет собой сооружение противоатомной защиты первой категории (защищен от прямого попадания атомной бомбы мощностью 100 килотонн), включающее комбинированный подземный водный канал с сухим доком, цеха для ремонта, склады ГСМ, минно-торпедную часть. Располагается в горе Таврос, по обеим сторонам которой находятся два выхода. Со стороны бухты – вход в канал (штольню). В случае необходимости он перекрывался батопортом, вес которого достигал 150 тонн. Для выхода в открытое море был оборудован выход на северной сторо-

не горы, который также перекрывался батопортом. Оба отверстия в скале были искусно закрыты маскировочными приспособлениями и сетями.

Объект 825 ГТС был предназначен для укрытия, ремонта и обслуживания подводных лодок 613-го и 633-го проектов, а также для хранения боеприпасов, предназначенных для этих субмарин. В канале объекта (длина 602 метра) могло разместиться 7 подлодок указанных проектов. Его глубина достигает 8 метров, ширина колеблется от 12 до 22 метров. Общая площадь всех помещений и ходов завода – 9600 м², площадь подземной водной поверхности равна 5200 м². Погрузка снаряжения в мирное время осуществлялась на пристани, учитывая передвижение спутников-шпионов вероятного противника. При ядерной угрозе погрузка должна была осуществляться внутри базы через специальную штольню. В комплекс входила также ремонтно-техническая база (объект 820), предназначенная для хранения и обслуживания ядерного оружия. Температура внутри базы постоянно держится около 15 градусов.

После распада СССР и закрытия подземной базы подводных лодок в 1993 г. большая часть комплекса не охранялась. В 2000 г. объект был передан Военно-Морским Силам Вооруженных сил Украины.

В период с 1993 по 2003 г. бывшая база была фактически разграблена, демонтированы все конструкции, содержащие цветные металлы.

Севастопольское «Морское собрание» во главе с Владимиром Стефановским предложило Балаклавской мэрии проект создания в противоатомном укрытии подводных лодок историко-заповедной зоны «Подземелье „холодной войны“». В неё предполагалось включить тематические экспозиционные залы, размещённые в бывших цехах и арсеналах, подводную лодку, стоящую у подземного причала, туристический центр, кинозал с хроникой времен активного военного противостояния двух политических систем, а также подземный мемориал, призванный увековечить память подводников, погибших на той – без выстрелов – воистину холодной войне в океанских глубинах.

Идея эта была поддержана властями и с 2003 года перешла в стадию практической реализации. Десятилетний юбилей музея праздновался в июне 2013 года с участием ветеранов-подводников, бывших работников подземного завода, а также представителей властей, вооружённых сил и школьников.

В 2014 году, после исторического воссоединения Крыма с Россией, объект перешёл под юрисдикцию нашей страны и стал южной площадкой Военно-исторического музея фортификационных сооружений Российской Федерации.

Кстати говоря, вспоминая эту нашу секретную базу подводных лодок в Балаклаве, хочу поведать вам один разговор двух наших самых обыкновенных, с виду ничем не приме-

чательных русских людей. Услышал я его совершенно случайно в общественном транспорте города Дзержинска где-то два или три года назад [2016—2017 гг.]. Но он тогда очень глубоко врезался мне в память.

Так вот, один задает другому такой вопрос:

– А ты смотрел известный советский мультипликационный фильм «Маугли»?

– Конечно, смотрел, и не раз, – отвечает ему собеседник. – Только было это в далёком уже детстве.

– А тебе этот мультфильм никаких мыслей не навевает в преломлении на сегодняшний день?

– Да вроде бы нет...

– Если помнишь, там такой тигр был огромный – Шерхан. Он ещё пытался временами «хороводить» другими зверями, навязывая им свою волю, особенно когда этих зверей было немного. А вот когда их много появлялось, да среди них вдобавок были сильные, что называется, «с авторитетом», то этот Шерхан всегда пытался улизнуть «в тень». Да не можешь ты его не помнить, если смотрел этот мультик! У тигра ещё подхалим типа слуги-помощника был – шакал Табаки, такая гнида ползучая, которая из-за спины Шерхана всё время что-то выкрикивала в его поддержку.

– Ну да, помню, конечно!

– Тогда должен помнить и момент, когда Шерхан сумел посеять сомнения среди стаи волков, что их вожак Акела уже не так силён, как прежде. Этот тигр и «подкинул» идею ор-

ганизовать охоту, в ходе которой Акела должен был бы доказать всем свою силу и ловкость. Причём ведь истинная цель Шерхана состояла в том, чтобы любой ценой сместить вожака стаи волков. И если уж не самому занять его место, то «посадить» на него «верного» ему зверя. Для этого в ходе охоты, если ты помнишь, он сумел исподтишка помешать Акеле сделать решающий бросок, чтобы намертво «завалить» добычу...

– Да-да! Я хорошо помню этот момент, – с нарастающим интересом подтвердил слова рассказчика его собеседник.

– А помнишь, что было потом? Как этот шакал Табаки начал вопить на весь лес: «Акела промахнулся! Акела промахнулся!...»

– Конечно, помню!

– И это опять тебе ничего не напоминает?

– ???

– Да этот Шерхан – просто копия США! А Табаки – такой собирательный образ их прихвостней в лице НАТО, среди которых своим «шакальим воем» особо выделяются новоиспечённые прибалтийские государства, Польша, Румыния и другие американские прихлебатели. К ним прежде всего относится профашистски настроенное нынешнее руководство Украины, ставшее современным прототипом Мазепы²⁷. Подняв на пьедестал бандеровскую свору предателей

²⁷ Иван Степанович Мазепа (Мазепа-Колединский, 1639—1709). Военный и политический деятель, дипломат. Гетман Войска Запорожского. Сумел объеди-

и убийц и сбросив с него истинных героев в лице генерала Ватутина и других полководцев, которые даже мёртвые не дают им покоя, все эти Порошенки, Яценюки и прочая куча дерьма навсегда заклеямили себя позором! Только вот Акела в этот раз на самом деле-то не промахнулся. Я имею в виду нашего президента Владимира Владимировича Путина. Он не промахнулся не только с Балаклавой, где НАТО уже видело свою базу подводных лодок, и с Севастополем, где они намеревались развернуть собственную мощную военно-морскую базу, но и с Крымом в целом!

– Какое точное сравнение! – воскликнул второй собеседник. – Ну, прямо-таки не в бровь, а в глаз. Очень всё верно!

нить под своей властью Левобережную и Правобережную Украину, ограничил политическую самостоятельность Запорожской Сечи. Длительное время был одним из ближайших сподвижников русского царя Петра I, за что в 1700 году стал вторым кавалером учреждённого Петром ордена Андрея Первозванного (ныне – высшая награда Российской Федерации). Однако в 1708 году перешёл на сторону шведского короля Карла XII, противника России в Северной войне. После разгрома шведов под Полтавой (1709) бежал в Османскую империю. Умер в городе Бендеры. Ныне – национальный герой Украины. – *По материалам статьи «Мазепа Иван Степанович», опубликованной на интернет-портале «Википедия. Свободная энциклопедия».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.